

Александр Бычков
ОЧЕРКИ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
С УСТЬЯ РЕКИ ЛЕНЫ
(путевые заметки)
С картой рыболовных песков

ТОМСК
Паровая Типо-Литография П.И. Макушина
1899

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	2
Глава I. Вступление — Пароход «Лена» — Торговая фирма А.И. Громовой; цены товаров на Булуне — «Лена» в Ледовитом океане; попытка проложить торговый путь в устье реки Яны — Новая постановка рыбного дела в устье р. Лены — Богатства р. Лены.....	3
Глава II. Каюки, их устройство — Рабочие на каюках, цены на рабочие руки — Порядки, обычаи и жизнь на каюках; торговля каючников среди тунгусов.....	12
Глава III. Селение Булун — Прошлое г. Жиганска — Медицинская беспомощность населения Жиганского улуса: оспа — Проект устройства больницы на Булуне — Выгодное положение Булуна — Булунские купцы и их система «подарков» — Яков Санников.....	16
Глава IV. «Рыболовные пески» на р. Лене — Сдача песков в аренду с торгов — Цена на пески — «Наследные» пески и «торговые» пески — Процесс засолки рыбы на каюках; бочки каючников — Время «хода» рыбы в устьях р. Лены — Невода, их размеры и стоимость.....	20
Глава V. Подрядная доставка рыбы булунскими купцами на пароход — Булунские рабочие на рыболовстве; условия найма — «Сплавные сети» — Порядок пользования песками у инородцев — Споры из-за песков — «Песковой капитал» и организация его — Техника рыболовства у инородцев сплавными сетями.....	25
Глава VI. Приготовление «хахи» и «юкалы» — Квашеная рыба в ямах — Устройство погребов в «вечномерзлой» почве — Передвижение «собаководов» к морю на зиму — Быков мыс и «подлёдный способ» рыбной	

ловли — Опыт зимней засолки рыбы — Иоганн Торгерсен; его неудачи — Необходимость инородцев для пользования богатствами севера ...	31
Глава VII. Положение инородцев в Жиганском улусе — Хлебозапасные магазины — «Колыма» — В гостях у объякутившегося тунгуса ...	36
Глава VIII. Ураса тунгусов; орудия промысла тунгусов — Рыбьи шкурки и костюмы из них — Бедность тунгусов, болезни и смертность среди них — Страшная дороговизна кирпичного чая.....	42
Глава IX. Тунгусская собака; выносливость собаки, пища её и польза, приносимая ею инородцу	44
Глава X. Общие впечатления по р. Лене вниз от гор. Якутска — Остров Аграфены и предание о нём — Каменноугольные пласты близ Жиганска — Каменный «Столб» в устье р — Лены — Заключение — Нужды инородца и способы удовлетворения их	46

Предлагаемый вниманию читателя очерк: «С устья реки Лены» был помещён в фельетонах «Сибирской Жизни» за 1898 год.

Спешная газетная работа оставила свой след на очерке даже и после тех дополнений и поправок, которые были сделаны мною при настоящем выпуске его отдельной брошюрой.

Случайные обстоятельства повлияли на то, что этот мой очерк издаётся мною отдельно от других моих очерков и мелких статей, разбросанных на страницах сибирских газет за длинный период времени от 1885 по 1899 год.

Якутская область так мало известна, о ней так мало говорят в печати, что я считаю необходимым сказать о ней несколько слов в своём введении к очерку.

Якутская область, занимающая 3½ миллиона квадратных вёрст на крайнем северо-востоке Азиатской России, населена до того редко, что на долю каждого из жителей её (277,836 душ обоего пола) приходится по 12,5 кв. версты. На всей этой громадной площади, равной приблизительно площади почти всех 49 губерний Европейской России, разбросано население, немногим превышающее население одного лишь г. Киева.

Пустынность этого края становится ещё более унылой, когда мы обратим внимание на то, что всё это ничтожное население его состоит из бродячих и кочевых инородцев (составляющих 93% всего населения), из уголовных ссыльно-поселенцев (составляющих 3% населения) и из

кучки добровольцев-хищников, стремящихся в эту глушь для наживы под прикрытием дореформенных порядков и невежества массы.

Борьба с суровыми условиями природы из-за одного полусытого существования составляет господствующий интерес жизни этого «края полюса холода на земном шаре», где морозы достигают 68°Ц., где мощный слой вечномёрзлой земли успевает оттаивать в течение короткого лета на каких-нибудь ½-1½ аршина в глубину; где условия почвы и климата порождают массу больных «проказой», где население до сих пор питается сушёной корой лиственницы и сосны.

В южных округах Якутской области (в Олёкминском, Якутском и Вилюйском) земледелие в последние 30-35 лет упрочилось уже настолько, что население этих округов (до тех пор, пока большинство инородцев ещё не привыкло есть хлеб) не нуждается в привозном хлебе. В северных же округах не было ещё ни одного удачного опыта посева хлебов; население этих округов занимается в южных частях их скотоводством (главным образом, оленеводством), а в северных частях рыболовством.

Один из этих северных округов Якутской области, Верхоянский округ, занимает громадную площадь 947,000 кв. вёрст (Кавказ, Польша и Финляндия, вместе взятые, занимают площадь в 855,403 кв. вёрст), население же его составляют всего лишь 14,157 душ обоего пола.

В моём очерке «С устья реки Лены» читатель увидит, как живут и чем занимаются люди, населяющие один из улусов Верхоянского округа. Жиганский улус, расположенный по нижнему течению реки Лены, куда я ездил летом 1897 года специально для того, чтоб познакомиться с положением рыбного промысла в низовьях реки Лены.

I

Рыболовство среди инородцев Якутской области, составляющих 93% населения области, является одним из главных источников существования. Этим промыслом якуты занимаются большею частью только для собственного потребления. Природные степные коневоды, выходцы из горных степей Сибири, якуты и по сию пору, прожив сотни лет в Якутской области, остаются скотоводами по преимуществу и только в силу необходимости стали заниматься рыболовством, видя в нём подспорье к главному своему занятию. В Олёкминском, Вилюйском и Якутском округах, где на смену падающему скотоводству выступает

земледелие, — рыболовство делает мало успехов; там же, где почвенные и климатические условия исключают всякую возможность надеяться на развитие земледелия, — в Верхоянском и Средне-Колымском округах, — там на смену падающим промыслам (оленоводству и звероловству) выступает рыболовство. Чем ближе к северу, тем рыболовство принимает всё большее и большее значение, и как раз на столько большее, на сколько теряют своё значение прочие промыслы.

На крайнем севере, в устьях р. Лены, в пределах так называемого Жиганского улуса, занимающего громадное пространство по обе стороны Лены, вниз от Жиганска вплоть до берегов Ледовитого океана, — рыболовство занимает первое место среди всех промыслов, доступных местному населению.

По сведениям Жиганской инородной управы за 1896 год, местное население (числом до 2047 душ обоого пола) добыло:

Рыбы 24,450 пудов	на 12.000 руб.
Пушнины	на 6.833 руб.
Мамонтовой кости	на 342 руб.
Лебединого и гусиного пуха	на 110 руб.

Все эти цифровые данные можно, конечно, считать вполне неверными, — но для нас они интересны, как доказательство того, что и составители этих отчётов рыболовству отводят первое место.

И я вполне уверен в том, что с течением времени рыболовство в устье Лены будет заметно развиваться. В настоящее время рыболовство стоит здесь на низкой степени развития. Население устья Лены ещё не научилось заготавливать рыбу впрок иначе, как способом простого вяленья и сушенья на открытом воздухе и на дыму; орудия рыболовства у них очень просты и непригодны даже для того, чтоб наловить рыбы столько, сколько могли бы скупить у них приезжие купцы; соль — дорогая по цене (до 1 руб. 60 коп. за пуд и имеющаяся в казённых магазинах в ничтожном количестве — не доступна населению, и оно не употребляет её для заготовки рыбы впрок.

По мере того, как все эти обстоятельства, мешающие развитию рыбного промысла, изменятся к лучшему или даже будут устранены, рыболовство в устьях Лены должно принимать более широкие размеры. И этому способствует не только падение прежних промыслов, но и то обстоятельство, что местное население, помимо своего желания, приучается и притягивается к этому занятию приезжими промышленниками,

приплывающими из Якутска в устья Лены на каюках и на пароходе для скупки рыбы.

В этом отношении, как место более или менее организованного рыбного промысла, устье Лены является единственным во всей Якутской области. Здесь производится какая ни на есть засолка рыбы для продажи; здесь выказывают своё искусство якутские специалисты рыбного дела; здесь сдаются в аренду рыболовные пески.

Положение рыбного промысла в устьях Лены займёт значительную часть моего очерка. Никаких материалов по этому вопросу я нигде не мог найти, и мне оставалось на месте, в устьях Лены, изучить это дело и личными своими наблюдениями восполнить этот недостаток. Я так и поступил.

Я выехал из Якутска в низовья р. Лены 4 июня 97 г. на пароходе «Лена». Пароход этот уже четыре года принадлежит иркутской торговой фирме Анны Ивановны Громовой и каждый год в течение навигации делает не меньше двух рейсов из Якутска в устья Лены, вывозя оттуда рыбу для сбыта её частью в Якутске, а главным образом на золотых промыслах Олёкминской и Витимской систем.

Пароход «Лена» — один из самых старых пароходов на р. Лене, — и он заслуживает того, чтобы остановить на нём внимание читателя.

«Лена» по заказу г. Сибирякова была выстроена в Швеции и пришла в р. Лену в 1878 году, пройдя всё побережье Ледовитого океана вместе с «Вегой» Норденшильда.

Этот маленький красивый пароход, имеющий всего лишь 16 футов в ширину, с машиною в 15 сил, сделанный из стали, был прекрасно устроен и приспособлен к морскому плаванию. Но, за время своей почти двадцатилетней службы на Лене, ему пришлось пройти много мытарств и перебивать в руках нескольких хозяев, из которых каждый понемногу общипывал его. не давал ему никакого ремонта и страшно загрязнял. В руках этих нерасчётливых хозяев «Лена» была обречена служить орудием эксплуатации инородцев в низовьях Лены, доставляя туда спирт, на который за бесценок выменивалась рыба и пушнина.

В руки фирмы А.И. Громовой «Лена» перешла от г. Оленникова, самого нерасчётливого из всех нерасчётливых хозяев «Лены». Оленников был сам и капитаном на своём пароходе, и это только помогало ему разорять свой пароход.

Только теперь, попав в руки одной из богатейших торговых фирм в Сибири, «Лена» начинает вспоминать дни прежнего своего величия. Пароход капитально отремонтирован; пополнено то, что было расхищено; приглашен образованный капитан, шкипер морской службы, природный моряк; пароход перестал быть орудием прежней эксплуатации бедного инородца, спаиваемого водкой.

Фирма А.И. Громовой, заинтересованная в расширении сбыта своих товаров, открыла в низовьях Лены свои лавки и с первых же лет сильно сбивала цены на товары, упорно поддерживаемые на страшной высоте местными торгашами-мелочниками.

Из ряда приводимых ниже цифр видно, как упали цены на товары под влиянием конкуренции фирмы Громовой. Против каждого из поименованных нами товаров мы приводим цену, по какой продавался этот товар зимою 1896-97 года в с. Булуны, в лавках Громовой и в лавках других купцов.

Мука ржаная 1 пуд	2р.	3 р.
Мука пшеничная 1 пуд	2 р. 60 к.	4 р.
Чай кирпичный 1 шт.	75 к.	1 р. 20 к.
Сахар 1 фунт	40 к.	70 к.
Табак листовой 1 ф.	40 к.	70 к.
Волос конск. бел. 1 пуд	32 р.	80 р.
Медная посуда	36 р.	80 р.
Нож якутский 1 шт.	25 к.	1р.
Топор якутский 1 шт.	75 к.	1 р. 50 к.

Кажущаяся ненормальность одновременного существования двух цен на один товар в одном и том же месте находит себе объяснение в том, что булуныские мелочники широко раздают свои товары в долг под будущую рыбу, пушнину и кость; фирма же А.И. Громовой торгует либо на наличные деньги, либо в обмен на доставленный товар.

Влияние конкуренции фирмы Громовой, как я слышал, в будущем году обещает значительно возрасти.

Фирма предполагает установить три срочные рейса из Якутска в с. Булун; намерена понизить цену за фрахт на пароходе; хочет увеличить число пунктов торговли своими товарами. В этом году были сделаны опыты для вырешения вопроса о том, возможно ли отправлять из Якутска вниз по Лене, а затем Ледовитым океаном, в устья реки Яны товар на пароходе; «Лена» ходила в этом году в Ледовитый океан, дошла до

устья реки Яны. Благоприятный исход поставленного вопроса теперь не зависит от «Лены».

Необходимость решить вопрос о способе наиболее дешёвого привоза товаров к реке Яне назрела вполне. Нигде в Якутской области нет таких высоких цен на товары, как на реке Яне. И объясняется это тем, что доставка туда товаров крайне неудобна и дорога. В Колымский край теперь вывозятся товары через Гижигинск, со стороны Великого океана; в Вилюйский округ ходят пароходы по р. Вилюю из Якутска. В Верхоянский же округ нет иного пути, как через Верхоянский хребет. Если планы фирмы А.И. Громовой осуществляются, населению Верхоянского округа легче будет жить.

В виду интереса, представляемого попыткой парохода «Лена», я сделаю кое-какие выписки из дневника, который я вёл во всё время пути «Лены» от устья реки Лены к р. Яне и обратно.

19-го августа¹ в 4 часа, после обеда, пароход оставил Быков мыс и, лавируя по извилистому фарватеру одного из мелководных рукавов дельты р. Лены, через 6 часов пути остановился подле острова Мастах. На этом пути от Быкова мыса до о. Мастах часто встречались такие мелкие места, что «Лена», надеясь на крепость своего стального корпуса, должна была сама проделывать себе путь, рассекая килем на полном ходу невысокие песчаные перекааты.

Остров Мастах лежит уже в Ледовитом океане; на нём нет постоянных жителей. Весной во время весеннего разлива, р. Лена приносит к берегам этого острова массу плавникового леса, — и жители Быкова мыса в течение всей зимы приезжают сюда за дровами, — они и прозвали этот остров «Мастах», что значит по-якутски «остров леса», «остров дров».

Лет 25 тому назад этот остров был богат обилием мамонтовой кости. Есть предание, что какой-то якут-промышленник в то время, пока успел вскипеть его котелок с чаем, нашёл на небольшом пространстве 4 клыка мамонта весом по 4 и 4½ пуда каждый. Теперь на о. Мастах уже нет мамонтовой кости.

¹ По мнению М. Геденштрома, «только несколько недель с августа месяца» эти места Ледовитого океана и свободны от льда. («Отр. о Сибири», стр. 105) И, действительно, мы за всё время (с 19 по 26 августа) пребывания в Ледовитом океане не встретили ни одной льдины; температура воздуха всё время была от +4°Ц. (19 и 24 авг.) до +9°Ц. (22 авг. на острове Макара). Кстати сообщу ещё некоторые сведения из моих наблюдений: чистое безоблачное небо наблюдалось только утром 22 авг.; туман: 21 и 25 авг.; тихо было только весь день 22 авг.; чаще всего наблюдался ветер С.В.В.

Пока пароход запасался здесь, сколько мог, дровами на дальний морской путь, заполняя дровами и трюм, и палубу, рассчитывая на то, чтобы дров хватило и на обратный путь, — наши охотники настреляли больше дюжины разных уток, которые до того были «дики», что не понимали значения выстрела и спокойно сидели, дожидаясь своей очереди пасть под выстрелами из ружья.

20-го августа рано утром мы вышли в океан и сразу почувствовали перемену, — нас как-то радовала безграничная ширь, нас забавляла оригинальность вкуса и цвета морской воды, нам приятна была свежесть морского воздуха. Мы шли со скоростью 12 вёрст в час и к вечеру того же дня мы подходили к мысу Борхая. По обе стороны Борхая мы видели на возвышенном берегу моря массу плавникового леса, но подойти к берегу и взять лес не могли, так как мешала береговая мель.

Не доходя м. Борхая, верстах в 30-ти от него, с парохода видна была какая-то старая без крыши деревянная постройка (в срубе, наподобие избы), — остатки следов какой-нибудь из бывших в этих краях экспедиций; несколько вёрст дальше, ближе к м. Борхая, мы видели три тунгусских урасы, покрытых равдугой, без всяких признаков жизни в них. Пароход несколько раз давал продолжительные свистки, но никто не показывался, не слышно и не видно было даже собак. Вероятно, тунгусы испугались парохода и скрылись.

Бывший с нами на пароходе норвежец И.И. Торгерсен говорил мне, что когда в 1878 году пароход «Лена» впервые вошёл в р. Лену, то всё инородческое население низовья р. Лены, завидя пароход, бросало свои жилища, забирало весь свой скарб и убегало «куда глаза глядят», пока пароход не уходил дальше.

Только трусливостью северного инородца перед всем новым и перед неизвестными ему людьми и возможно объяснить ту печальную случайность, что остатки экспедиции Делонга погибли там, где и зимой, и летом часто снуют инородцы, то добывая песка в тундре, то отправляясь за рыбой к морю.

Но наши приятные впечатления морского плавания были непродолжительны, — к ночи на 21 августа поднялся ветер, океан стал волноваться и вся непривычная к морю команда слегла, выражая ропот и недовольство на капитана и хозяина парохода, решившихся идти в море. Ветер крепчал, и волнение усиливалось; пароход пошёл тише, его

ход сильно замедлялся привязанным на буксире большим баркасом, который, разбитый волной и захлестнутый ею, был затоплен; сначала пытались было спасти его, выкачав из него воду, — но без успеха, — и баркас был брошен в море.

Громадная мель, неожиданно встреченная нами сейчас же за мысом Борхая, лишила нас возможности найти здесь проход к р. Яне, — нам надо было искать его с восточной стороны дельты р. Яны, — и мы взяли курс на м. Дарвина («Дарыган» по некоторым картам).

Сильный ветер, замедлявший наш ход, разбил и в этом наши надежды. Запас дров быстро уменьшался, и нам непременно надо было торопиться добраться до материка. Мы снова изменили курс и вскоре достигли острова Макара, лежащего верстах в 50-ти на восток от дельты р. Яны. Здесь мы были защищены островом от волн, — но вскоре ветер совершенно прекратился и ночью на 22 августа мы наслаждались отдыхом от утомившей нас океанской качки.

Почти двое суток мы должны были потратить около острова Макара на то, чтобы пополнить запас дров в количестве, достаточном для обратного пути к Быкову мысу. Несколько раз мы пытались найти глубокую протоку среди многочисленных рукавов р. Яны, и не могли найти; мы решили торопиться домой.

Опыт доказал нам, что ходить в океан без запаса каменного угля и рискованно и невыгодно. На пароходе нельзя сделать такой запас дров, чтобы их хватило на далёкий путь; пополнять запас дров плавниковым лесом не всегда возможно.

Пока пароход грузился дровами, наши охотники настреляли много разного рода птиц (морская чайка, немок, гуси разных пород, полярный лебедь и др.), большинство которых было отправлено потом М.А. Мензбир в Москву. А я тем временем ходил по острову в тщетных поисках мамонтовых клыков. Я нашёл несколько полусгнивших берцовых костей мамонта, нашёл коренной зуб мамонта, но самой ценной части мамонтового скелета, его бивней, не находил: они были ранней весной подобраны промышленниками. Но зато я видел здесь те места, где обыкновенно находят остатки мамонта.

Остров Макара вдаётся в океан отлогим глинисто-песчаным берегом; но внутри острова встречаются возвышенности и холмы разной величины, под тонким слоем (от $\frac{1}{4}$ до 1 арш.) синеватой глины которых лежат пласты подпочвенного крупнозернистого льда. Весной, когда с

этих возвышенностей и холмов стекают ручьи снеговой воды, — они смыывают слой глины и размывают пласты льда, образуя в пластах рвы и ущелья. В этих-то, вот, смытых слоях глины или в размывшихся слоях льда чаще всего и находят кости мамонта, а иногда даже и вполне сохранившиеся трупы их.

Ежегодно из Якутской области вывозится в средних числах не меньше 1000 пудов мамонтовых бивней (весом около 3 пуд. каждый), что показывает, что ежегодно находят здесь не меньше 166 трупов мамонта или его скелетов. По вычислению Миддендорфа по 1843 год в Якутской области было найдено 20,000 мамонтов; можно считать верным, что по 1899 год в Якутской области найдено не меньше 30,000 мамонтов.

Чтобы закончить речь о пароходе «Лена», я должен упомянуть ещё об одном её деле, которым она может принести населению края немалую пользу. В этом году фирма А.И. Громовой произвела первый опыт постановки рыбного дела на новых началах. Один из представителей этой фирмы Ив.И. Громов ездил в Астрахань и там изучил рыбное дело, как оно ведётся у наиболее крупных фирм; познакомившись с практикой рыболовства, он ознакомился и с литературой по этому вопросу. Летом этого года он производил пробные опыты применения российских начал рыболовства в низовьях реки Лены. Что даст этот опыт и чего можно ожидать от него, решить пока трудно. Можно сказать одно, — Лена богата всевозможными сортами рыбы, из которой можно готовить разнообразные консервы, икру, клей, визигу и пр.

Необходимо сказать несколько слов о самой реке Лене, насколько это нужно для нас в видах нашего интереса к рыболовству на ней.

Эта великая река, с бассейном около 2,000 тыс. кв. вёрст, вливающая в Ледовитый океан до 10,000 кубических метров воды в секунду, имеющая дельту, по словам тунгусов, не менее 600 вёрст в ширину на протяжении берега океана, разливающаяся весной в среднем своём течении, ниже Вилюя, между островами, на 60 вёрст в ширину, эта Лена верстах в 300 выше начала дельты (от Бахтери до о-ва Тас-Ары) течёт одним единственным руслом шириною не более 2½ вёрст, не имея на этом протяжении ни одного островка, как бы исполинскою силою втиснутая в высокие, извилистые берега твёрдых каменных пород.

Здесь, в этой как бы каменной трубе и расположены места, изобилующие рыбой; сюда-то и стремятся все приленские рыбопромышленники; здесь-то, на всяком мало-мальски отлогом берегу (после весеннего половодья), всё лето кипит непрерывная работа в погоне за рыбой, которой здесь, действительно, многое множество.

Обилие рыбы, удобство и лёгкость ловли её в этой узкой трубе — не дают инородцу повода к тому, чтобы обратить внимание на другие громадные богатства берегов Лены в этих местах. Здесь множество мест обнаружения каменного угля, громадное количество железной руды, много минеральных красок, есть признаки золота и серебра, попадаетесь горный хрусталь, есть прекрасная глина разных сортов, встречается точильный камень, аспид.

И лёгкая добыча рыбы отвлекает внимание инородца от всего этого богатства.

Не менее ископаемого богатства, этот край изобилует стадами диких оленей и множеством перелётной птицы.

Местный инородец привык жить тем, что сама природа даёт ему уже готовым; он не дорожит этими дарами природы и переводит их без всякой пощады. Он, привыкший к благам той культуры, какую заносят к нему хищные каючники, любит водку, табак; он привык к сухарям, умеет из муки (часто с примесью сушёной икры) печь оладьи, носит ситцевую рубаху, пьёт чай из самовара. Когда ему надо приобрести что-либо из этих вещей, — он не жалеет добытых им даров природы: бери всё, но дай, что ему надо. И хищник-каючник берёт у него всё, а даёт ему какую-нибудь грошевую вещь; за бутылку водки каючник приобретает у инородца разного добра ценою не менее, как на три и на пять рублей. Часто случается, что ловкий торгош продаёт инородцу простое кремнёвое ружьё, стоящее в Якутске не дороже 5-8 рублей, за 100 руб., получая эту сумму рыбой или пушниной по самой низкой цене.

Каючники прекрасно умеют пользоваться простотою инородца и широко разбрасывают свои сети. Вся рыба, весь пушной товар, мамонтова кость, пух и прочие богатства устья Лены, всё, что добывается инородцем с помощью своих простых орудий, — всё это каючники и местные торгоши за бесценок берут у инородца и в тридорога перепродают в г. Якутске.

О каючниках я и намерен теперь вести свою речь.

II

Каюками называются особого рода килевые парусные суда с подъёмной силой не более 1600 пудов, имеющие обыкновенно не более 25 аршин в длину и 9 аршин в ширину. Строятся они довольно непрочно из старого паузочного леса вблизи г Якутска, оснащаются кое-как и содержатся обыкновенно в великой неопрятности. Новый каюк, глядя по величине, обходится со всеми необходимыми приспособлениями 500-800 руб. Самый малый каюк поднимает легко 600 пудов клади.

Вниз по течению каюк идёт довольно быстро, особенно в дни попутного ветра, на парусах. Для удобства управления каюком, на нём с обеих сторон — почти посередине каюка — имеются большие «греби» (род вёсел), по одной греби на стороне. К их помощи обращаются тогда, когда каюк ветром напирает куда-нибудь в сторону от фарватера реки, и он не слушается руля.

Но вверх по реке каюк двигается с поразительной медленностью даже и при попутных ветрах. Чуть ветер становится крепче среднего, каюк бросает якорь и прячется куда-нибудь в «отстой», — попутный ли это ветер или встречный — безразлично.

В дни же безветрия или в дни слабого встречного ветра каюк «тянут бичевой» рабочие, если нет у берегов отмелей; если же место мелкое, то каюк двигается вперёд «завозом», для чего завозят на несколько сажень вперёд каюка якорь и силою рук притягиваются по канату к якорю; — затем якорь завозят снова и т.д. В такие дни проплывают не более 10 вёрст в сутки.

По установившемуся обычаю, на каждом каюке должно быть непременно столько человек рабочих, чтобы на долю каждого рабочего не приходилось больше 100 пуд. клади. Тяжесть самого каюка, его оснастки и пр. в счёт не принимаются. Таким образом каждый рабочий, идя «в лямке», тянет не меньше 125-130 пуд. на своих плечах.

Бичева, с помощью которой рабочие тянут каюк, имеет не менее 65 саж. длины и прикреплена к корме каюка; отсюда она идёт к вершине мачты, а затем опускается к носу каюка, где она свободно ходит на «лучке», который свободно передвигаясь по кольцу регулирует направлением каюка, легко подчиняющегося рулю. При таком способе укреп-

ления бичевы рабочие могут идти на значительном расстоянии от каюка и впереди его и рядом с ним, — и ход каюка всегда остаётся ровный и спокойный.

Самый процесс «бичевания» каюка состоит в том, что все рабочие всю тяжестью своего наклонённого корпуса опираются на «лямки», обхватывающие грудь и обе руки на аршин ниже плеча, — и каюк, медленно поддаваясь напору десятка грудей, — идёт вперёд. Натянутая бичева дрожит и ходит из стороны в сторону, по мере того, как тот или другой рабочий натягивает её сильнее, — и каждое вздрагивание бичевы чувствуется всеми рабочими. Тяжесть работы осложняется ещё тем, что вдоль берега, где идут рабочие, нет даже и тропинки, — большей частью камни или песок; если нет дождя, то работе ещё больше дождя мешает невообразимое обилие мошек и комаров. Времени для отдыха никто не определяет; тянут иной раз без передышки часов пять-шесть, напьются кое-как чайку, — и снова часов на пять за работу. Ночью спят. Но тянуть весь день почти никогда не приходится, — ветер не даёт: если ветер попутный и не сильный — поднимают парус и идут на парусах; если ветер встречный или сильный — стоят.

И какое нищенское вознаграждение получает каючный рабочий за такой каторжный труд; за всё лето (с мая по сентябрь) рабочий получает на хозяйских харчах 15-20 рублей; если харчи свои, то 25-30 рублей/

Сверх платы, каждый рабочий имеет ещё право везти в Якутск на каюке около 15 пудов своей собственной рыбы, в своей же посуде.

Все рабочие во время неводьбы (рабочие должны «неводить» на хозяина каюка во всё свободное время) имеют право брать себе на пищу самую мелкую рыбу: «кандёвку». Добрый каючник, особенно если лов рыбы был хорош, даёт каждому из рабочих под конец неводьбы штук по 30, по 50 «омулей». Есть ещё одно обязательство хозяина по отношению к рабочим (ко всем рабочим безразлично), — хозяин обязан дать за всё время навигации три раза по одной порции водки каждому рабочему: первую порцию при отправке из Якутска; вторую на полпути — подле острова Аграфены; третью по прибытии на Булун.

Раньше, чем я стану говорить о внутренних порядках на каюке, о жизни этого особого мирка, своеобразного во многих отношениях, я

должен сказать, что я в течение недели прожил на одном каюке, проплыл на нём вверх по Лене около 150 вёрст и всё это время присматривался к его жизни.

На всех каюках порядки одни и те же; приёмы эксплуатации инородцев у всех их одинаковы; на всех каюках употребляются одни и те же приёмы чистки, засолки и укупорки рыбы. И вряд ли будет ошибочно, если я скажу, что выводы моих наблюдений общи для всех каюков. Но всё же я прошу иметь в виду, что я буду говорить лишь о том, что наблюдал на одном каюке.

Каюк, на котором я плыл, служит уже девятый год и был в своё время самым большим каюком; он и теперь может поднять до 1500 пудов. Но-вый он стоил около 700 рублей с оснасткою, с якорями и с лодками.

В настоящее время он до того уже износился, что с трудом, при тщательном уходе, может прослужить ещё два-три года.

Содержание каюка обходится недорого. На ремонтровку его тратится в год не больше 30-40 рублей; нужен опытный лоцман, — ему платят 80 руб. в навигацию и дают право вывезти 50 пуд. рыбы; рабочие, как мы уже знаем, стоят дёшево.

Но и при всём том, ни один каючник не плавает на каюке без того, чтобы не принять к себе «товарища», «пайщика».

Кто-нибудь из мелких якутских купцов входит с хозяином каюка в соглашение о том, что он имеет право везти на каюке вниз свои товары, сколько ему потребуется, а вверх свою рыбу в определённом количестве пудов, — и за всё это он платит хозяину каюка определённую сумму, приблизительно по 50 коп. с пуда вывозимой рыбы. Таких «товарищей» бывает на ином каюке два и три. На нашем было два товарища. Уплатив деньги хозяину, «товарищи» знать не хотят никаких расходов на содержание каюка. Содержание же нашего каюка нашему хозяину стоило очень дёшево, так как у него платных рабочих было всего лишь трое, — остальные же работали за право вывоза рыбы; в числе их 5 человек имели право на вывоз по 50 пудов.

Раздав таким образом больше половины места на каюке, наш хозяин заботился не столько о рыбе, сколько о скупке оленьих шкур, меховой одежды и лебяжьего пуха, напирая главным образом на торговлю водкой.

Все эти обитатели каюка представляют собою купцов в большем или меньшем масштабе. Каждый рабочий, каждый «товарищ», сам хозяин —

все, действуя порознь, имея свои отдельные товары, преследуют одну и ту же цель: как можно лучше обьегорить инородца и как можно выгоднее сбыть свои товары: водку, чай, табак, муку и пр.

На каюках чаще, чем где либо, — на почве надувательства низового инородца, — сначала в роли рабочего, затем в роли «товарища» и каючника, — и вырабатываются те таланты, которые успели завоевать для якутов репутацию врождённых коммерсантов.

Я помню одну сцену: какой-то оборванный тунгус привёз на своей «ветке» к нам на каюк пуда полтора рыбы (омуль и муксун) и оленью «кухлянку», совершенно новую, не ношенную. Как и всегда, если привозящий товар не был заподряжен раньше кем либо из плывущих на каюке, — право первых переговоров с инородцем принадлежало хозяину, — и он стал торговаться с тунгусом. Прежде всего он заявил, что рыбы и так очень много на каюке, класть некуда, — а «кухлянку» нашёл подержанною и малой на его рост, — но всё-таки и рыбу, и кухлянку взял и отложил к себе в сторону. Никто из прочих обитателей каюка не вмешивался в эту торговую сделку.

Тунгус молчал. Ни слова не сказал он и тогда, когда хозяин каюка решил дать ему за весь товар 1 кирпич чаю (60 коп.) и 10 фунтов ржаных сухарей (65 к.)

Но хозяин не ограничился тем, что дал ему так мало, — он сунул ему подмокший кирпич и на своём фальшивом безмене отвесил ему никак не больше 8 фун. сухарей (вес мешка не был принят в счёт веса). Жена хозяина стояла около мужа и помогала ему тем, что с самым серьёзным видом и довольно таки неприлично бранила своего супруга за то, что тот набирает так много рыбы, скупает меховую одежду и платит за всё так невероятно дорого, приводя ряд примеров того, как всё это (и рыба, и меха) дешёвы в Якутске.

Я помню ещё случай, как один из рабочих нашего каюка продал свой подержанный якутский нож (25 коп.) за 150 кандёвок (ценою на 2 р.); помню как 1 кусочек яичного мыла был продан за 100 кандёвок; много было таких примеров.

К сожалению, на нашем каюке не было уже ни одной бутылки водки, — водка была распродана там, где каюк стоял во время неводьбы. Но я прекрасно знаю, что за 1 бутылку водки каюк берёт или 1 пуд нельмы (2 р. и 2 р. 20 к.) или два пуда муксуна (по 1 р. и по 1 р. 20 к. за пуд).

Водка считается самым выгодным товаром на рыбном деле. И ни один каюк не вывозил из Якутска меньше 10-ти фляг спирта по 3 ведра в каждой. Я знал один каюк, на котором в это лето было сплавлено 100 вёдер спирта. А каждое ведро спирта даёт 3 ведра водки фабрикации каючников. И всегда вся водка распускается без остатка; и пока есть водка, инородец не берёт другого товара, хотя каючники и считают для себя выгодным спустить цену на чай, порою и на муку ниже «Громовской», единственно в расчёте на то, что водка всё покроет. И водка разоряет инородца, обогащая купцов.

Как ни пытаются бороться с этим злом, но до сих пор ничего не могут сделать. Впрочем, я этому не удивляюсь. Лица, на обязанности которых лежит на месте рыболовства следить за интересами инородцев, лишь способствуют тому и даже сами принимают участие в позорном деле спаивания инородцев; примеры увидим ниже.

Центром управления всем Жиганским улусом является село Булун, где находится инородная управа, где пребывает участковый полицейский заседатель, где стоит церковь с причтом при ней, где, наконец, живёт целая дюжина местных купцов, главных скупщиков всякого сырья.

Булун заслуживает того, чтобы мы остановились на нём подольше, как средоточии торговли и как центре административного управления самым отдалённым из полицейских участков в Верхоянском округе.

III

Селение Булун Жиганского улуса, Верхоянского округа, стоит в 300 верстах от устья Лены и в 1900 верстах от города Якутска, на левом берегу реки, — приблизительно под 71° с.ш., — в середине той части Лены где она течёт одним руслом и не имеет ни одного острова. Это положение Булуна в центре лучших рыболовных песков на Лене и дало ему сравнительно быстрый рост.

В последние года, в течение не больше 30 лет, Булун увеличился почти вдвое.

Было время, когда Жиганск считался наиболее населённым местом в низовьях Лены; но теперь он совершенно опустел. В Жиганске при деревянной церкви теперь живёт священник с семейством, живут ещё причетник и сторож, — и больше ни души. Не для кого службу совершать. Сохранилось предание, что Жиганск запустел с тех пор, как его

разграбила шайка каких-то беглых каторжных, проплывших вниз по Лене с Алдана. Добила же его окончательно оспа, посетившая Жиганск ещё на памяти старожилов и унёсшая почти поголовно всё население.

Оспа — один из страшных бичей низовья Лены. Я видел на одном из самых северных островов дельты Лены, против Быкова мыса, селение Зимовьялах; некогда оно было заселено русскими; 18 лет тому назад, когда пароход «Лена» впервые вошёл в Лену, в нём было больше 10 семейств якутов; теперь там не больше двух семейств; — всё остальное население уничтожено было оспой.

На Булуне, по-видимому, тоже жизнь тяжела. Это видно уже по обилию крестов на его трёх кладбищах; климат здесь незавидный: почва сырая и с вечной мерзлотою на глубине $\frac{3}{4}$ аршина; постоянные ветра, — зимою обильные снежные заносы, холод.

По метеорологическим наблюдениям, производившимся мною с 19-го июля по 6 августа, температура воздуха на Булуне ни разу не была выше $+18,2^{\circ}\text{C}$. (20 июля в 12 ч. дня); в ночь на 31 июля был иней; 2 августа шёл снег. Температура воды за всё это время не была выше $+20^{\circ}\text{C}$. (25 июля); температура почвы на глубине 38 см. не подымалась выше $+4^{\circ}\text{C}$. (22 июля в 9 ч. веч.). Безветренных, тихих дней было всего лишь два: 23 июля и 6 августа.

Понятно, как, при таких условиях климата, постоянной угрозе эпидемии, жители Булуна обеспокоены тем, что у них нет буквально никакой врачебной помощи: ближайшая больница, ближайший фельдшер — в Верхоянске, за 900 вёрст.

Больница и фельдшер на Булуне необходимы уже по одному тому, что на Булуне в течение лета за время рыбного промысла бывает около 2000 народа, стекающегося туда со всех сторон; они могут легко занести болезнь; они, во время работ, по несколько раз в лето болеют от порезов рук при чистке рыбы, от ушибов при неводьбе, от простуд в воде. Иногда отсутствие своевременной помощи калечит их на всю жизнь. И присутствие на Булуне фельдшера было бы полезно ещё в том отношении, что через него можно было бы установить над каючниками хоть какой-нибудь санитарный надзор.

Мы слышали, что фирма А.И. Громовой заинтересованная в медицинской помощи для её рабочих, предложила медицинскому инспектору в Якутске позаботиться об устройстве на Булуне больницы с постоянным

фельдшером; с своей стороны фирма предлагает в течение 10-ти первых лет платить от себя жалованье фельдшеру в размере 600 рублей в год.

Мы уверены, что предложение это встретит поддержку как со стороны казны, так и со стороны Жиганской инородной управы и местных купцов, и больница на Булуне будет открыта *).

В настоящее время на Булуне более 30 домов и около 80 душ постоянного населения, которое не покидает Булуна круглый год. Но если считать и тех, которые летом разъезжают по рыболовным пескам, а всю зиму находятся в разъездах по делам торговли, то население Булуна будет не менее 150 душ.

Два года тому назад на Булуне выстроена новая деревянная церковь св. Спаса и при ней церковно-приходская школа; с осени 96 года там живёт участковый полицейский заседатель; там находится

*) Летом 1898 года на Булуне был уже фельдшер.

Жиганская инородная управа; там торгуют, кроме 12-ти местных купцов, доверенные двух самых крупных фирм в Якутске: Громовой и Кушнарёва. На Булуне, наконец, имеется казённый хлебный запасный магазин, склад казённой соли и запас рыбы на случай голодовки. Ежегодно из Якутска на Булун приходит пароход «Лена».

Опыты самого последнего времени доказали, что на Булуне есть много хорошего корма для рогатого скота. Каждый год с первым рейсом парохода туда привозят несколько штук коров и быков, всё лето получают от коров молоко, а на быках работают, — и на зиму убивают их на мясо.

Но я уверен, что если будут вовремя косить тамошнюю траву, — для рогатого скота будет достаточен запас сена и на зиму.

Немало способствует росту Булуна ещё и то обстоятельство, что он лежит на перекрёстке торговых дорог с одной стороны на Оленёк, Анабару и Хатангу, — с другой стороны на Яну и Индигирку. Весь этот громадный район побережья Ледовитого океана снабжается товарами булунских купцов, держащих всё население этого края в монопольной эксплуатации.

Купцы на Булуне самый многочисленный класс и они занимают господствующее положение.

Булунский купец — совершенно особый и своеобразный тип купца. Если он берёт невероятные для городского купца проценты на товар,

так зато он и работает не как городской аршинник за прилавком. Вся жизнь Булунского купца — безостановочные разъезды на пространстве нескольких тысяч вёрст во всякую погоду, на оленях и на собаках.

Булунский купец должен сам развозить свои товары каждому якуту или тунгусу на дом. Да и то ещё у него будет брать товар лишь тот инородец, который с ним давно «знаком». Булунский купец, в сущности говоря, не торгует своими товарами, а «дарит» их, — и дарит их как раз в то время, когда у инородца нет ничего и ему нечем «отдаривать». Но вот в середине зимы у инородца набралось уже много пушнины; тут-то и является булунский купец за «отдарками», специально для этого снова изъездивший много вёрст. Купец, конечно, ведёт свой счёт своим подаркам; инородец тоже знает, на какую цену надо отдарить, — и каждый думает, как бы одурачить друг друга. Преимущество всегда на стороне купца, — у него все козыри в руках: у него с собою водка. Купец уже раньше, приближаясь к своему приятелю-должнику, узнал, что у него есть редкостный голубой песец, или дорогая чёрнобурая лисица, либо высокий соболь.

Типичнейшим представителем булунских купцов должно считать Якова Фёдоровича Санникова, купца 2-й гильдии. Он везде почётный гость; ежегодно бывая в Якутске на ярмарке, он «гостит» у самых высокопоставленных лиц; он за пожертвования избран почётным членом Якутского братства во имя Христа.

Ни у одного из булунских купцов нет среди инородцев такого обширного «знакомства», как у Санникова; у него в пяти или шести местах до тысячи оленей пасутся под присмотром пастухов; у него десять приказчиков разъезжают в разных местах с его товарами «на отчёте»; он ежегодно посылает на Ляховские острова и на острова Анжу и Делонга своих рабочих для собирания мамонтовой кости.

По собственным словам Санникова, он разбогател недавно, неожиданно и в один год. У него было очень много шкурок песца, и песец вдруг неожиданно на Якутской ярмарке поднялся в цене ровно вдвое, — и Санников сразу получил 40.000 барыша.

Этот случай вполне вероятен; я думаю, что таких приятных неожиданностей было у Санникова немало. Надо хоть один раз видеть Санникова, хоть один час поговорить с ним, чтобы понять, что Санниковы именно и должны наживаться среди инородцев и никто, как они.

Всегда сдержанный, всегда умеющий увлекательно рассказать что-нибудь из своих многочисленных приключений, сразу понимающий людей, с кем имеет дело, — Яков Фёдорович, как никто, всегда самым ловким манером «ведёт свою линию».

Все прочие булунские купцы вместе взятые не ведут столь обширной торговли, как один Санников. Про его влияние на Булуне у местных жителей сложилась даже поговорка: «на небе Бог, а на Булуне Яков Санников».

Меня сильно интересовал вопрос, насколько прославлению купеческих имён на Булуне помогает водка, но решить его я не мог.

По сведениям официальных отчётов я мог узнать, что в Жиганском улусе в 1896 году чаю кирпичного продано было на 10.000 руб., табаку листового на 5.000 руб., сахару на 4.000 руб., муки на 3.500 руб., бумажных тканей на 1.600 р. и т.д. Меньше всего фарфоровой и фаянсовой посуды — на 80 руб. А водки ни на один грош! Между тем я самолично видел привезёнными на Булун 125 вёдер спирта; да весной на каюках, по собранным мною сведениям, было привезено туда же около 200 вёдер спирта, итого 325 вёдер (кроме виноградного вина), что, при стоимости 1 бутылки водки градусов в 30 не менее 1 р. 50 к., даст цифру по крайней мере в 25.000 рублей! Это ближе к правде. Я не мог собрать сведений о том, много ли привозится виноградного вина на Булун. Я видел, что священник привёз на Булун около 20 ящичков разного вина (около 40 вёдер), видел, что и булунские купцы привозили не меньше. Но всё это вино привозится на Булун якобы «для угощения знакомых». Одно могу сказать, что на Булуне и незнакомому, как у священника, так и любого купца, всегда можно достать виноградное вино.

IV

Всякое удобное место, где только можно закинуть сеть или вытащить на берег невод, называется «рыболовным песком». Таких песков в низовье Лены масса. На каждом из них издавна сидит какая-нибудь семья объякутившихся тунгусов и испокон веков ловит рыбу, считая песок своим, «родовым песком». В аренду поступают лишь те из песков, которые по каким-нибудь причинам утеряли хозяина: умер ли он, перешёл ли на другое место и т.п.

Все такие свободные пески записываются в особую «книгу песков» и в определённый день (около 6 или 8 июня), когда Лена совершенно очищается от ледяного покрова, эти пески отдаются в аренду всем желающим взять их с торгов.

На торгах, где в 1897 году присутствовал и я, было не меньше 30 человек, желающих взять пески в аренду. Песков, подлежащих сдаче в аренду было около 35. Но так как пески эти обладали далеко не равными достоинствами, то на лучшие пески энергично «набивали цену». Торги происходили в управе под председательством земского заседателя, в присутствии всех членов улусной Жиганской управы и улусного головы.

Обыкновенно через несколько дней после торгов назначалась переторжка.

Цену каждого сдаваемого в аренду песка объявлял председатель, и если после трёхкратного объявления назначенной цены, никто не давал за этот песок ни гроша, песок назначался на переторжку. Таких песков было много. Но хороших песков было мало и за ними гнались чуть ли не все присутствовавшие. Арендную плату одного небольшого песка, оценённого в 40 руб., быстро набили до 261 руб.; другой песок пошёл за 300 руб.; третий за 110 рублей. Цена эта назначалась за право пользования в течение только одного лета.

Но каючники чаще всего ценят в песке не столько удобство ловли рыбы, сколько удобство сбыта своих товаров, главным образом — водки; — на бойком месте им и невода не надо: «рыба сама пойдёт в бутылку».

Что же касается тех песков, на которых промышляют рыбу сами инородцы, то они (так называемые «наследные пески») в аренду не сдаются и всецело находятся в распоряжении того рода якутов, который на нём ловит рыбу. Каюки приплывают на Булун не раньше 6 июня и здесь дожидаются торгов на рыболовные пески.

И выше Булуна, и ниже по Лене, задолго ещё до торгов на пески, на всех тех песках, где ловят рыбу сами инородцы, каючники уже расставили своих приказчиков для скупки рыбы. Приказчики получают от хозяина соль и бочки, а для скупки рыбы — разного рода товары и водку. Приказчик получает от каючника список всех его старых должников, — и сейчас же по прибытии начинают выполнять свою миссию: скупать и засаливать рыбу, опаивая инородца.

Инородец должен приносить рыбу совершенно уже готовую к засолке: у рыбы должна быть отнята голова, рыба должна быть распластана, внутренности её выпущены. Чистоты не требуется, — где, как и чем чистил рыбу инородец, приказчику не интересно. Ему надо знать, сколько по весу принято рыбы, — и он свои способности изоощряет главным образом на том, чтобы вес оказался меньше. Вместо гирь на весах он употребляет какие-то сомнительные камни, и на коромысле его весов обломана стрелка; если он весит на безмене (чаще всего), то безмен берётся старый, искривлённый. Сверх того «принято» с каждого пуда рыбы делать скидку в 3-4 фунта на пуд, — как говорят: «на рассол». Ввиду неизбежных понижений веса рыбы при сдаче, инородцу нет расчета заботиться ещё и о том, чтобы на рыбе не было слизи, крови, грязи, порой песку и камешков.

Приказчику же нет времени перемывать рыбу после приёмки, — и грязная рыба идёт в засол. Не всегда, впрочем, принятая рыба идёт сейчас же и в засол; случается она пролежит в какой-нибудь бочке и сутки, и больше без соли. Конечно, рыба от этого сильно портится, так как случается, что в низовьях Лены бывают очень жаркие дни: 11 июня в 12 ч. дня под 71,5° с.ш. было +22°Ц. в воздухе¹.

При такой упрощённой системе приготовления рыбы к засолу, — самый процесс засола не менее прост. Необходимо сказать несколько слов о тех бочках, в которые укладывается каючниками рыба.

Раньше всего, если вы подойдёте к бочке каючника, вас поразит страшная вонь. Десятки лет одни и те же бочки ходят на каюках с рыбою и никогда они не только не выжигаются, но даже не промываются горячей водой. Кровь рыбы, жир, грязь, чешуя рыбья — постепенно ложатся и внутри, и снаружи бочки, — и образуют толстый слой вонючей грязи, до такой степени въевшейся в дерево, что её нельзя отколупнуть даже помощью ножа.

Понятно, рыба, уложенная в такую бочку, приобретает её вонь, — тот отвратительный специфический запах солёной рыбы, который любители называют «душком».

Как я уже сказал, процесс засолки рыбы очень прост: принесённую инородцем рыбу, не промывая даже её, пересыпают двумя — тремя горстями соли и кладут в бочки рядами как можно плотнее друг к другу.

¹ Э. Толь в своём отчёте по «Экспедиции на Ново-Сибирские острова» указывает, что в июле месяце под широту 72° он наблюдал температуру +34°С.

Причём каючники не имеют привычки разные сорта рыбы класть в разные бочки, — они и омуля, и кандёвку, и стерлядь, порой даже и нельму валят без разбора в одну и ту же бочку. Сваленная таким образом рыба теряет свойственный каждому сорту рыбы свой особый вкус.

Через несколько дней «рыба даёт рассол» и несколько оседает в бочке, и бочку докладывают рыбой. «Рыбный рассол» получается благодаря тому, что соль, насыпанная внутри рыбы, втягивает в себя соки рыбы и растворяется в них, — получается жидкость известной степени плотности и розоватая на вид.

В рассоле этом получается много питательных частей рыбы. Сама рыба из рассола берёт в себя соль и тем самым преграждает к себе доступ из воздуха всяким гнилостным микробам. Одна из главнейших задач при засолке рыбы состоит в том, чтобы рассол был достаточной крепости, т.е. чтоб было больше соли и чтобы в этом самом «рыбном рассоле» рыба оставалась до того момента, когда её вынимают для потребления.

Каючники игнорируют эти требования. Соли они кладут не более 4-5 фунтов на один пуд рыбы; рыбный рассол не берегут, так как их негодные бочки дают сильную течь, и они вынуждены вытекший рассол заменять солёною водой, — и это сильно ухудшает качество рыбы: она становится менее питательною (вновь положенная соль снова вытягивает питательные соки) и очень солёною на вкус. При самой даже хорошей засолке, при соблюдении всех требований хорошего рассола, рыба теряет вес. Пуд свежей рыбы, при вынутии из рассола, даёт всего лишь 36 фунтов: 4 фунта питательных соков рыбы ушло в рассол.

У каючников при их засолке теряется ещё больше.

Пока приказчики каючника скупают рыбу, он сам со своими рабочими на арендованном песке своими неводами ловит рыбу.

По многолетним наблюдениям местных рыболовов разные виды рыбы появляются на рыболовных песках низовья Лены не в одно и то же время.

Надо заметить, что в низовьях Лены промышляют только крупных рыб. До прошлого года очень вкусная рыба «кандёвка» из семейства лососёвых средней величины (до 1½ фунта) выбрасывалась из сетей и неводов, как не стоящая внимания; и до сих пор гоняются главным образом за крупной рыбой: нельмой, муксуном, омулем, чиром, тайменем и отчасти стерлядью и осетром. Я говорю, что за стерлядью и осетром

гоняются мало, потому что стерлядь и осётр живут на глубоких местах, и их на Лене можно добывать только перемётами; перемёты же на Лене в очень малом употреблении.

Из числа названных нами рыб раньше всех появляется в устье р. Лены нельма, ход которой начинается не позже 8 июня; она быстро проходит и к 15 июня встречается уже мало; около 20-х чисел августа нельма иногда появляется снова. Нельма (это «сибирская белорыбица») является самой ценной рыбой, самой крупной (я встречал нельму весом 1 п. 5 ф.) и самой вкусной рыбой. В этом году, благодаря тому, что Лена очистилась от льда необычайно поздно, лов нельмы был очень плох, — рыболовы предполагают, что она прошла из моря вверх по Лене подо льдом, когда ещё нельзя было ловить рыбу.

Числа 15-го июня появляется чир, — и тоже скоро проходит; в первых числах июля его уже попадаетса очень мало.

Затем идёт омуль, — чаще всего с конца июня, редко раньше (в этом году с 25 июня). Но случается и так (как, например, в 1896 г.) омуля было очень мало. Обыкновенно омуль попадаетса до 20-х чисел июля.

С 8-го июля вместе с омулем попадаетса кандёвка, которая чем ближе к зиме, тем становится обильнее и обильнее. Мне говорили, что глубокою осенью в одну тоню (в один невод) иногда попадаетса сразу до 2000 штук кандёвок.

С 15 июля вместе с омулем и кандёвкой начинает попадаться муксун, который к 29 июля окончательно вытесняет омуля, а в средних числах августа идёт в особенном изобилии.

Чир, омуль и муксун в среднем весят по 8-9 фунтов; в редких случаях попадаютса больше — до 12 фунтов; я видел чира, весившего 14½ фунтов.

У каючников остаётся очень мало времени для лова рыбы: к 15 июля они все обыкновенно собираются в обратный путь к Якутску.

Ловят они обыкновенно неводами, сплетёнными из тальниковой бичевки. Невода эти очень непрочны; при самых благоприятных условиях не могут прослужить больше 3-х лет, но зато очень дешёвы; один столб невода длиною в 2½ сажени стоит не дороже 1 рубля.

Целый невод длиною около 80 саженей можно купить за 25-30 рублей. Тогда как таких же размеров волосяной невод (особенно из белого «хвостового» волоса) стоит около 100 рублей. Ячеи невода «в крыльях» делаются не больше 2 англ. дюймов по стороне; ячеи «мотни» около 1

англ. дюйма. Невода эти плетутся преимущественно якутами Намского улуса Якутского округа и привозятся в низовья Лены каючниками. Волосяные невода плетутся в Виллюйском округе; там, говорят, волос дешевле и мастера опытнее.

На один невод ставят обыкновенно 4 или 5 рабочих. Дорожа временем, каючники заставляют рабочих забрасывать тоню за тоней почти непрерывно. Если рабочих много, одним неводом ловят в две смены. Случается, что в сутки вытягивают до 20 тоней одним неводом.

Засолка рыбы самим каючником ничем не отличается от засолки рыбы его приказчиком. По окончании лова рыбы каюк идёт вверх; по пути он забирает к себе всех своих приказчиков со всею их рыбой и спешит в Якутск.

V

Булунские купцы в свободное от разъездной торговли время, летом не брезгают заниматься и рыбным делом. Они берут на себя подряд доставить кому-либо рыбу. До сих пор они ежегодно доставляли рыбу на пароход «Лена». У них, как и у инородцев, нет ни своей соли, ни своих бочек, и всё это они получали от парохода, — бочки по счёту, а соль в таком размере, чтобы на пуд рыбы они клали не меньше 5-6 фунтов соли. Булунские купцы сами должны были арендовать песок, поставить своих рабочих к неводу, ловить своими неводами, сами засаливать, — и за каждый пуд приготовленной рыбы получали: нельмы по 2 р. и даже по 2 р. 25 к., за прочую по 1 р. и по 1 р. 20 к.

Но в последние два года рыба засолки булунских купцов (за немногими исключениями) была до того плоха, что фирме А.И. Громовой пришлось выбросить эту рыбу и получить из-за неё много неприятностей. И фирма Громовой с этого года решила не покупать у купцов солёной рыбы, а держать своих засольщиков и солить рыбу по-своему, на астраханский манер.

Есть основание подозревать, что булунские купцы клали в рыбу далеко не 5-6 фунтов соли на пуд, а значительно меньше, — и фирма несла тройные убытки: теряла свою соль, выбрасывала рыбу и вывозила рыбу на своём пароходе за 2000 вёрст для того, чтобы выбросить её вон

Я уже говорил в начале заметки, что с 1898 г. пароход «Лена» значительно понижает плату за провоз. Теперь за пуд клади от Булуна до

Якутска пароход берёт 1 р. 50 к. Это ужасно дорого! С будущего года рассчитывает брать по 1 р. с пуда. За 2000 вёрст это недорого. И тогда булунские купцы, вероятно, поймут, что для них удобнее всего за свой счёт отправлять рыбу своей засолки в г. Якутск для продажи. И соль, и бочки они могут выписывать, так как плата с одного пуда на том же пароходе от Якутска до Булуна всего лишь 40 коп.

Но что особенно, на мой взгляд, важно, так это то, что пониженная плата за провоз клади на пароходе должна повести к постепенному уничтожению каюков, в чём, конечно, заинтересован и пароход.

Итак, булунские купцы за определённую цену сдавали пароходу совершенно готовую рыбу.

Ловят они рыбу такими же неводами, как и каючники, чаще волосяными; рабочих на невод ставят тоже по 4 человека, — пятый или пятая готовит чай, пищу и чистит-засаливает рыбу.

Но рабочие на Булуне ещё дешевле каючных. Рабочих нанимают на всё лето, — с 9 мая по 14 сентября на следующих условиях: за всё лето платят им по 20 р. деньгами, дают им 1 пару «торбасов» (род обуви), 1 пару подошв (к тем же торбасам) и 1 ситцевую рубаху; всё это, вместе с 20 р., не превышает 25 рублей. Пища, конечно, хозяина: рыбы ешь, сколько хочешь, чаю пей тоже в «охотку», — хлеба нет, — дают понемногу сухарей; — дают ещё соль к рыбе, благо она даровая, — но инородцы мало употребляют соли. В среднем выводе, при среднем ходе рыбы в этом году, одним неводом было добыто около 250 пудов рыбы. Бывали случаи, когда одним неводом в течение одного дня добывали почти половину всего этого количества; но случается и так, что по неделям не могут поймать ни одной рыбы.

Рыболовы объясняют это тем, что часто трудно бывает на данном песке «найти тоню», т.е. найти то место, где идёт рыба. Но ещё больше мешает рыболову неприспособленность их неводов и сетей к реке, — и те и другие годны лишь для лова на мелких местах. Если рыба почему либо идёт вдали от берега, на глубоких местах, — этими неводами и сетями добыть её нельзя.

Вниз от Булуна на низких песках, я насчитал летом этого года 15 неводов в работе. Выше Булуна неводов меньше; всего летом этого года ловили рыбу, вероятно, не больше, как 25 неводами, — считая невода и каючников.

Но если мы предположим даже и несколько большее число неводов, то и тогда заметим, что промысел рыбы неводами на Лене развит очень слабо. Все инородцы и многие поселившиеся там русские ловят сетями; — и сетями до сих пор рыбы добывается больше, чем неводами.

Говоря о рыболовстве у инородцев низовья Лены, я должен прежде всего сказать о порядках пользования рыболовными песками среди этих инородцев.

Как я говорил уже выше, среди рыболовных песков Лены наибольшую ценность представляют пески, расположенные в той части Лены, где она течёт одним руслом, без островов.

Ниже этой части Лены и выше по Лене есть множество песков, но там уже нет таких благоприятных условий для рыболовства. Ниже лежащие пески, расположенные в дельте Лены, как морские пески, считаются вольными песками, — и там кто хочет — может заниматься рыболовством без всякого контроля и без платы; вышележащие пески считаются принадлежащими тем наслегам и родам, в границах владения которых они расположены, — на этих песках без ведома наследных и родовых властей никто ловить рыбу не может.

Вообще все пески по Лене на всём протяжении от Жиганска до океана считаются принадлежащими Жиганскому улусу и находятся в ведении Жиганской инородной управы.

Фактически же Жиганская инородная управа заведует лишь теми рыболовными песками, которые сдаются в аренду, — эти пески называются «улусными» (или торговыми) песками, в отличие от «наследных», на которых ловит рыбу само инородческое население наслегов Жиганского улуса, не сдавая их в аренду.

Но так как не у всякого из родов, входящих в наслег, и не у всякого наслег в пределах их владений — находятся рыболовные пески по р. Лене, то в Жиганском улусе встречаются такие группы инородцев, у которых нет рыболовных песков на реке Лене. В последнее время стали даже возникать на этой почве разного рода споры из за несправедливого распределения песков. Впрочем, споры эти пока настолько ещё просты и несложны, что сама инородная управа решает их без особых затруднений.

Необходимо указать ещё на то, что в числе инородцев Жиганского улуса числится: оседлых инородцев 1456 душ обоего пола, кочующих 407 душ об. п. и бродячих 5 душ об. п. Из числа всех этих инородцев одни

лишь оседлые («якуты», как они сами себя называют, но в сущности это всё «объякутившиеся» тунгусы — совершенно забывшие и свой тунгусский язык и свои обычаи) — владеют рыболовными песками. Остальные инородцы не только не имеют своих песков, но даже не имеют «доли» в той сумме, которая выручается от сдачи «улусных» песков в аренду. Но эти «кочующие» и «бродячие» инородцы начинают «оседать» на песках и требуют себе песков. Здесь спор из-за песков несколько осложняется, хотя и в этих случаях пока происходит миролюбивое соглашение. Эти инородцы, не имеющие песков, не несут на себе одной из тяжчайших повинностей этих мест: — подводную повинность, состоящую в том, что в определённые пункты для определённых надобностей население должно выставлять определённое число оленей и собак, на которых там возится и почта, и чиновники. Повинность эту отбывают одни лишь «оседлые» якуты.

Когда «беспесочный» инородец садится на какой-либо песок, собственники этого песка (какой-нибудь род якутов) требуют, чтобы этот севший на песок инородец тоже принимал участие и в подводной повинности, для чего обязывают его — или платить деньгами три рубля в лето, или «ставить» одного оленя, — предоставляя за это ему право ловить всё лето рыбу на своей лодке с одним условием: подчиняться всем правилам ловли, установленным обычаем на данном песке.

Но этот инородец не получает доли в сумме, выручаемой за пески, сдаваемые в аренду.

До 1895 года все деньги, вручавшиеся от сдачи в аренду «улусных» песков, шли в распоряжение инородной управы (фактически — головы) и здесь всегда происходило очень много злоупотреблений: лучшие пески сдавались каючникам «по знакомству» и за бесценок, — а деньги шли в карман головы или более влиятельных родовичей.

Но в 1895 году, по предложению Верхоянского полицейского управления, Жиганская инородная управа на общем собрании сделала следующее постановление, вошедшее с тех пор в законную силу.

1) Из сумм, выручаемых ежегодно от сдачи в аренду рыболовных песков, 300 р. ежегодно должны поступать в распоряжение Жиганской инородной управы на покрытие её текущих расходов;

2) остальная сумма должна ежегодно отсылаться в Верхоянское полицейское управление с тем условием, чтобы эти деньги были сдава-

емы в сохранную кассу при Якутском окружном полицейском управлении и чтобы проценты на этот капитал причислялись к капиталу. — носящему название «пескового капитала Жиганского улуса»;

3) расходование этого капитала должно производиться самим улусом, но с согласия Верхоянского полицейского управления.

Капитал этот быстро растёт и теперь (лето 1897 г.) имеется не менее 4000 р.

Этот «песковой капитал» должен, на мой взгляд, сыграть крупную роль в вопросе об улучшении положения инородцев в низовье Лены. Сама инородная управа, руководимая чрезвычайно внимательным к нуждам населения писарем А.П. Сыроватским, понимает значение этого капитала и обсуждает много планов об употреблении его с большей пользой.

Самым целесообразным употреблением этого капитала — или даже лишь части суммы его ежегодного приращения — я считал бы организацию дешёвой доставки в низовья Лены белого конского хвостового волоса высокого качества, идущего на сети.

Пока волос, привозимый туда для продажи, так плох и так дорог, как мы его находим на Булуне теперь, — развитие рыболовного промысла у инородцев не может делать успехов: они не в силах будут ни увеличивать числа необходимых для них «сплавных сетей» или «ставных сетей», и они не могут перейти к ловле рыбы неводами вместо сетей.

Теперь инородец, если он желает ловить рыбу самостоятельно, должен иметь одних сетей:

1) для летнего промысла не меньше, как на 30 р.,

2) для зимнего промысла не меньше, как на 60 р.

Удешевление волоса имеет большое значение для них.

О самой технике рыболовства говорить много не придётся, — она очень проста и та же, что у инородцев других мест крайнего севера.

В громадном большинстве случаев инородцы низовья Лены ловят рыбу сетями. Сети, употребляемые ими, бывают трёх родов, отличающихся друг от друга лишь величиною ячеек. Сети для ловли нельмы имеют ячейки величиною от 3-х до 3½ англ. дюймов по сторонам, сети для ловли омуля и муксуна 2¼-2½ дюйма, кандёвки — 1¼-1½ дюйма

Длина этих сетей бывает обыкновенно 25-30 «маховых сажений»; высота не меньше 2½ аршин. Лучшими сетями считаются сети, сделанные из белого конского хвостового волоса.

Необходимой принадлежностью каждого рыболова является маленькая лодка — ветка («ты» по-местному), выдолбленная из лёгкого «плавникового» дерева, которое местные жители называют, то «пальмой», то «тополю». Это дерево прибивается морскими волнами к островам в дельты Лены. Благодаря этому исключительному месту нахождения «тополи», выделкой веток занимается население Приамурского наслега, Жиганского улуса, живущее в западной части дельты Лены, на левом берегу моря от устья Лены. Лодочки эти из Туматского наслега зимой вывозятся вверх по Лене и продаются по 20-25 руб. за штуку. При лодочке всегда находится двулопастное длинное весло, которым инородец одновременно гребёт — то с той, то с другой стороны — и правит, сидя посредине лодки и соблюдая строгий баланс. В лодочке у него лежит колотушка, которой он «глушит» ударом по голове пойманную рыбу; крючок, которым он подхватывает рыбу; черпак деревянный для отливания воды из лодки, и небольшое деревянное корытце или плетёная из прутьев корзина для ношения рыбы.

Со всем этим багажом инородец выезжает на рыбную ловлю.

Песок, на котором ловит рыбу инородец данной группы (рода или стойбища), строго ограничен, — песок этот тянется на 4 и на 8 вёрст, и только на этом протяжении инородец данной группы имеет право ловить рыбу. На своей лёгкой подвижной лодочке со всеми рыболовными снастями инородец едет к самому верхнему пункту своего песка и выбрасывает там свою сплавную сеть недалеко от берега поперёк реки. Сеть поддерживается на воде на поплавках и постепенно плывёт, вместе с течением воды, всё ниже и ниже, до конца песка. Инородец плывёт рядом с сетью на своей лодочке и зорко следит за поплавками: если который либо из них тонет, он спешит к сети и вытягивает из воды ту часть её, над которой тонет поплавок; он ловко выхватывает из воды запутавшегося омуля или муксуна, «глушит» его колотушкой, бросает сеть в воду, а рыбу в лодку и снова продолжает следить за поплавками. Пока он проплывает весь свой песок, он добывает до 20 штук рыбы; случается часто и значительно больше.

Но не успел инородец отплыть от начального пункта своего песка на пол-версты, как вслед за ним уже плывут ещё два рыбака на равном друг

от друга расстоянни, точно также следя за поплавками своих сетей и строго соблюдая тишину.

Если на одном песке собирается много рыболовов, то устанавливается правильная очередь для забрасывания сетей, случается, на одном песке собирается до того много народа, что каждому рыболову приходится забрасывать свою сеть не больше одного раза в двое и больше суток, особенно когда ветреные дни мешают ловле рыбы и никто не забрасывает сети.

VI

Когда уходят из низовья Лены все каюки, уходит и пароход, тогда инородец начинает запасать рыбу для себя впрок. Старожилы (как местные купцы, так и инородцы) говорили мне, что с годами заметно уменьшается и уменьшается количество запасаемой инородцами рыбы впрок для себя. Объясняется это отчасти тем, что рыбы с годами вывозится отсюда, всё больше и больше, но главным образом объясняется это тем, что инородец привыкает надеяться на запас муки и чая, которые рассчитывает получить от приезжих купцов, всю свою рыбу пускает в продажу и упускает таким образом время — благоприятное для приготовления рыбы впрок. Если бы инородец не подвергался систематическому спаиванию водкой, если бы торговые сношения велись с ним хотя бы на самых маленьких правилах «честной торговли», — инородец легко мог бы на всю зиму запастись всем, что ему надо. В течение месяца (с 8 июня по 10 июля) инородцы, ловившие рыбу на Кумаксурском песке 64 сетями, добыли одной только нельмы около 1300 пудов, что даёт на каждую сеть по 20 пудов, проданных за 40 рублей. В течение этого же месяца вся семья инородца, питаясь исключительно рыбой от той же сети, заработала сверх того 40 рублей деньгами. Позднее — в июле и августе — ловится уже менее ценная рыба, но зато она идёт значительно «гуще» и во время ловли её уже нет очередей, — и каждая семья инородца вылавливает её рублей на 60.

Не будь помянутой эксплуатации инородца каючниками и местными купцами, — заработок на 100 рублей в лето был бы для инородца достаточным для того, чтобы всю зиму провести с достаточным запасом муки и чая. Но большая половина его заработка идёт на водку, — и инородец остаётся без муки и без рыбы.

Временами, положим, и после отъезда покупателей, свежей рыбы остаётся много, — но со середины августа нет уже благоприятных условий для вяленья и сушки рыбы. Между тем только эти два способа заготовки рыбы впрок и употребляются инородцами.

Главным образом они запасаются: «хахом» и «юкалой», которые приготавливаются одними и теми же способами, но из разных частей рыбы: хаха и юкала сначала вялятся на ветру, а потом продымляются над очагом в помещении инородца — в уресе или «колыме»; обе — хаха и юкала — до вяленья надрезываются тонкими полосками таким образом, чтобы эти полоски держались на коже рыбы и отделялись друг от друга глубокими бороздками до самой кожи рыбы. В таком виде мясо рыбы быстро и очень хорошо провяливается и засыхает; — вкусом своим она напоминает русскую «воблу».

Немногим разве меньше запасаются они ещё сушёною икрою омуля и муксуна. Как и при вяленьи рыбы, так и в сушёную икру инородцы соли не употребляют.

Сушёную икру они едят часто без примесей; — иногда, растолокши её, подмешивают в муку и из смеси пекут оладьи на рыбьем жире.

Рыбий жир вытапливают из целой рыбы в железных и медных котлах, — редко из внутренностей её, — и он заменяет на кухне инородца масло и сало.

Ввиду того, что в самое жаркое время рыба охотно скупается для засолки купцами, инородец описываемого мною района редко вынуждается «квасить» свою рыбу в ямах, вырытых в земле не глубже одного аршина — у него не остаётся для этого рыбы.

Но всё-таки и этот способ заготовки рыбы впрок встречается здесь. Инородец прекрасно понимает, что он в своих ямах портит рыбу; он знает, как хорошо сохраняется рыба в глубоких погребах, где круглый год со всех сторон лёд или вечная мерзлота. Но он не может делать таких погребов сам, — ему нечем делать их: нет ни кайлы, ни железной лопаты. Хотя погреб строится чрезвычайно просто: выкапывают яму в 4 аршина глубины; на глубине 1 аршина кладут над ямой ряд брёвен (оставив отверстие для того, чтобы можно было войти в яму) и засыпают эти брёвна в уровень с землёй; под брёвнами получается погреб, все стены которого, пол и потолок представляют собою вечно мёрзлую землю. Над погребом часто выстраивается амбар. В таком погребе в самый жаркий летний день свежая рыба через час, через два замерзает и

её можно употреблять в виде «струганины», — для чего её режут тонкими ломтиками (в виде стружек) и глотают их прежде, чем они успеют растаять. У инородца же в его мелких ямах рыба быстро киснет и гниёт в начале осени. И даже в годы хорошего осеннего лова инородец остаётся без рыбы; его прокисшую рыбу и собака не ест, — а для собак надо запастись рыбой больше, чем для себя: каждая собака съедает в зимний день не меньше одного муксуна весом в 8 фунтов, — у каждого же собаковод-инородца не меньше 20-30 собак.

Необходимость иметь так много рыбы для собак заставляет всех инородцев-собаководов передвигаться на зиму к берегам океана и там, подлёдным способом добывать рыбу. На берегу моря рыбы зимою больше, значительно теплее и лёд не так толст, как на реке.

Из тех мест, где мы видели летом наших инородцев, — для зимнего лова рыбы они чаще всего переселяются в конце осени на Быков мыс, вёрст за 350 на север от Булуна.

Надо заметить, что среди наших инородцев очень мало «собаководов», — большинство из них «оленоводы», а эти последние только в очень редких случаях ездят зимою к морю за рыбой.

Подлёдная ловля рыбы на Быковом мысе начинается приблизительно около 10 октября, когда лёд становится достаточно крепким для того, чтобы на нём можно было ходить. Добывают этим способом больше всего муксуна, но ставят сети и на нельму, и на кандёвку, — и сети эти мало чем отличаются от речных сетей. Приёмы же ловли рыбы подо льдом при помощи сетей совершенно не схожи с речными приёмами.

Подлёдные сети не бывают длиннее 12-15 маховых саженьей, — иначе затрудняется установка их подо льдом, для чего требуется каждую из таких сетей «срастить» с другими сетями; подо льдом в один ряд таких сетей ставится не меньше 10 и все они «сращиваются» друг с другом.

Самая установка сетей подо льдом совершается следующим образом. На льду в намеченном месте вырубает по прямой линии несколько прорубей на расстоянии приблизительно 12-15 саженьей одна от другой.

При помощи длинной жерди (обыкновенно составленной из нескольких коротких жердей) из проруби в прорубь на длинной верёвке подо льдом пропускается одна сеть за другою, концы которых сращиваются и получается одна сплошная сеть, составленная из десяти сетей.

Для облегчения процесса сращивания сетей между прорубями, пробитыми во льду на расстоянии 15 сажений, пробиваются ещё промежуточные проруби, — но затем они забрасываются. Те же проруби, через которые сращивались сети, остаются на всю зиму; — на верёвках, прикреплённых к жердям, положенным над прорубями, подвешивается сеть; через них же производится ежедневно 2 раза осмотр сетей, для чего в каждую из прорубей вытягивают одну десятую часть всей сети, снимают рыбу и отпускают сеть снова в прорубь.

Таких рядов сетей ставят по два и больше. Успех такого лова не одинаков; случается, что из одного ряда сетей в сутки вынимают по 100 и более муксунов.

Как я уже упомянул, на Быков мыс зимою съезжается много народа. Но и в течение лета Быков мыс не пустеет.

Там круглый год живёт несколько семейств тунгусов-собаководов. По словам ежегодно бывающих там людей, с течением времени число инородцев, переселяющихся к зимнему лову на Быков мыс, возрастает.

В минувшем году один из давно уже переселившихся на Булун добровольных пришельцев произвёл первый опыт засолки рыбы, добываемой на Быковом мысу в зимнее время; и опыт его удался, — рыба получилась недурная и хорошо сохранилась. Он зимнюю замёрзшую рыбу оттаивал в своём тёплом жилом помещении, чистил её и солил, и потом вновь замороженную сохранял до весны и рыба получалась точно свежая.

Но и помимо этого интересного опыта, человек, производивший его, заслуживает нашего внимания. Я говорю о норвежце Иоганне Торгерсене¹, поселившемся на Булуне с тех пор, как он в 1878 году совсем ещё молодым — около 20 лет — прибыл на Лену на пароходе «Лена» в качестве «боцмана», — что-то вроде нашего помощника капитана. Впрочем он не всё время жил на Булуне. Полный сил и энергии, видя бесценные богатства нашего севера в полном пренебрежении, он прельстился сначала золотом нашей Енисейской тайги. Потерпев здесь неудачу, он устремился в Забайкалье и принял участие в только что тогда возникшей «транспортной конторе», поставившей себе целью «упорядочить и облегчить сношение Китая с Иркутском». Но и тут Торгерсена постигла неудача: какой-то юркий распорядитель всю эту контору пустил в

¹ О нём упоминает и г. Э. Толь в своём отчёте по «Экспедиции на Ново-Сибирские о-ва» как об опытным лоцмане, сопровождавшем экспедицию в устье р. Лены.

трубу. И Торгерсен опять поступил на свою старую «Лену» в качестве капитана. «Лена» тогда успела перейти уже от первого её хозяина, Сибирякова, через руки Шмотина к Олейникову, устроившему как-то так свои дела, что «Лена» досталась ему за бесценок. Не проходил Торгерсен на «Лене» и трёх лет, как бросил службу и принялся за «рыбное дело» сразу на Быковом мысе при поддержке г. Моисеева. С тех пор он не прекращает своего рыбного дела, лишь временно увлѣкшись скупкой пушнины на Индигирке, тоже, вероятно, не давшей ему того, чего он ожидал.

На Булуне он уже обзавѣлся семьѳй, у него уже дети на возрасте, — он и рад бы был вырваться на родину, да нет сил подняться. Он узнал теперь, что все наши северные богатства как бы заклѣты каким-то злым гением, — и к ним нет доступа иначе, как по тропе, облитой кровью и слезами инородца, хранителя этих богатств. Надо быть Санниковым, чтобы дерзнуть идти этой тропой добывать клад. Торгерсен думал, что его честный труд, его неутомимая работа «в поте лица», его знания, как норвежца, моряка и рыболова, — дадут ему клад прямо в руки. И он ошибся, — надо всего лишь уметь играть на простом инструменте — душе инородца, твѳрдой рукой ударять по струнам горя, нужды и жажды удовольствия и инородец сам добудет и сам отдаст хранимый им клад.

Торгерсен думал, что его знания не пройдут бесследно и для инородца, и он, как все пребывающие у нас в России иностранцы, не был чужд стремления «научить кой-чему дикий народ». Но и здесь его расчеты оказались неверными, — не он научил инородца, как надо жить в этом суровом крае, а сам он сильно «объякутился». Говорит он больше всего по-якутски, одевается по-якутски, питается по-якутски, — от якутов перенял все приѳмы рыболовства, езду на собаках и ничему не научил инородца. Суровые условия жизни на севере так сильны, так всемогущи, — инородец так приспособился к этим условиям, так зависит от них, что ни личный пример Торгерсена, ни знания и опыт его не могут поднять инородца из бездны его рокового горя, пока эти условия жизни не изменятся к лучшему, пока сам инородец не вступит в борьбу с этими условиями из-за какого-либо идеала людского счастья, до сих пор ещѳ чуждого его понятиям.

Мы, культурные люди, можем и должны помочь инородцу нашего севера. Мы должны не дать ему вымереть окончательно; мы должны оградить его от хищничества спаивающих его водкой булунских купцов и якутских каючников; мы можем организовать доставку ему дешёвых пищевых продуктов и потребных ему товаров; организовать медицинскую помощь; мы должны учить его детей... И не с целью обогащения себя самих мы должны открывать ему путь ко всем этим благам. Мы поступаем теперь в высшей степени нерасчётливо. Если вымрет весь северный инородец, если он обнищает вконец, мы без его рук, без его приёмов, без его выносливости, без его выдрессированных им собак, лишимся всего того, что получаем теперь от нашего богатого севера. Нужны будут века для того, чтобы какой-нибудь другой народ так хорошо привык к исключительно трудным условиям жизни на севере.

Я мог бы в подтверждение моей мысли привести ещё два неудачных примера, — как трудно для непривыкшего к условиям жизни на севере, жить в этих условиях, как невозможно делать на севере какое бы то ни было дело без содействия привыкших к северному труду инородцев.

Я бы мог рассказать о неудачах какого-то довольно тёмного человека из немцев (вместе колбасника, фармацевта, рыболова и зверолова) под фамилией Бока; я мог бы рассказать ещё и о неудавшейся попытке разбогатеть в низовьях Лены целой группы староверов, переселившихся из Иркутска на Булун в 1896 году, едва не перемерших в первую же зиму от цынги и еле-еле выбравшихся оттуда в конце лета 1897 г. на пароходе «Лена».

Оба эти примера говорили бы нам одно и то же: для нашего севера, в интересах нас самих, необходимо прежде всего сохранить от вымирания инородца, так как только через него мы можем добывать богатства этого края.

VII

Зная то, что мне пришлось уже упоминать выше, особенно зная беспощадную эксплуатацию инородцев каючниками, отнимающими у них даже ту рыбу, которая самим инородцам нужна, — легко заранее сказать, что житьё-бытьё местных инородцев крайне незавидно.

Все инородцы единогласно утверждают, что прежде им жилось лучше: у них и запаса рыбы было больше, они и одевались лучше, теплее, нравы их были проще и чище. И теперь ещё инородец низовья Лены несравненно правдивее какого-нибудь «устугасника», пригородного якута. Кража там неизвестна, обман чрезвычайно редок. Но уроки каючников не проходят бесследно: за угощение запретной рюмкой водки он готов покривить душой; из-за страха перед «тайоном» Решетниковым он готов мириться с несправедливостью. Ни одна из жён любого из тунгусов не устоит перед соблазном получить за измену мужу от какого-либо рабочего на каюке ситцевый платок, какую-нибудь побрякушку, ленту и муж не выражает на это никакой претензии, — он мирится с этим злом, угощаясь водкой гостя жены.

Редкий год проходит без того, чтобы низовья Лены не страдали от голода с наступлением весны. Для борьбы с этим злом в двух местах (на Сиктяхе и на Булуне) устроены казённые запасные хлебные магазины, но устроены они так нелепо, что не приносят населению ровно никакой пользы. Количество запасного хлеба слишком мало, чтобы можно было оказать существенную помощь голодающему населению: к 1 января 1897 г. на Булуне состояло налицо 271 пуд ржаной муки, на Сиктяхе — 100 пудов. Это на весь Жиганский улус. Помимо того, условия выдачи хлеба крайне нецелесообразны.

Из магазина отпускается на семью не больше 3 пудов в год, причём выдача в каждом отдельном случае разрешается только по билету самого заседателя — и для получения этого билета инородцу надо ехать искать заседателя за несколько сот вёрст, который живёт то на Булуне, то в Усть-Янске. Сверх того, хлеб выдаётся с непременным обязательством: — возвратить ссуду в магазин не позже сентября и непременно хлебом же. Стеснительность требования предъявлять билет от заседателя очевидна, но обязательство возвращать хлебную ссуду — хлебом же (помимо стеснительности) парализует ту пользу, какую мог бы и при малом количестве хлеба приносить магазин. Это обязательство как будто нарочно, ссужая голодного тунгуса мукой, заставляет его летом во что бы то ни стало покупать муку у каючника и внести её в магазин. Каючник дерёт с несчастного тунгуса высокую цену, а магазин получает Бог знает какую муку взамен той, которую выдал инородцу.

Не проще ли было бы, если бы магазин предоставлял на усмотрение самого заёмщика — либо возвращать хлебом за хлеб, либо платить за

хлеб деньгами по определённой (заготовительной цене). Если хлеб казённый будет несуразно дорог (что возможно), то заёмщик купит хлеб у каючника, продав ему рыбу; если уже каючники захотят драть за хлеб невероятную цену, — тунгус внесёт в магазин деньги. Казна же всегда без труда может пополнить запасы хлеба в магазинах, так как из Якутска в течение лета на Булун не меньше двух раз ходит пароход «Лена», берущий за доставку одного пуда от Якутска до Булуна по 40 к.

Мне кажется, что магазин не будет иметь недоимок, так как инородец всегда в течение лета богат рыбой и рыба его всегда имеет большой спрос. И тогда инородцу не будет нужды питаться в дни весенних голодовок лиственничной корой и всякою гнилью.

В течение зимы инородец низовья Лены живёт в обыкновенных якутских юртах вдали от берегов Лены, там, где встречается обильный корм для их оленей и где водится пушной зверь.

Летом же они почти поголовно перекочёвывают к берегам Лены; своих оленей они сдают под надзор пастухов; в тех местах, где рыболовные пески богаты рыбой, они строят себе особого рода шалаши, называемые «колымами»; в тех же местах, где рыба ловится не всегда с успехом, они поселяются в легко переносимых урасах, покрываемых то лиственничною корою, то ровдугой, то рыбьими шкурами (налима, тайменя), то каким-либо тряпьем.

И колыма, и ураса настолько же неудобны для жилья в них, насколько они просты и не сложны в постройке. Ни колыма, ни ураса тепла в себе не держат; обе они, при самом малом дождике, промокают насквозь. Но колыма обладает несравненно большими удобствами, чем ураса.

В колыме есть очаг, есть орны (род нар), бывает иногда глиняный пол, бывают окна с рамами и со стёклами. В урасе нет ничего подобного: — это шалаш, внутри которого на земле костёр, вокруг костра, на голой земле, логовище — и больше ровно ничего: ни стола, ни табуретки, — порою даже никакой постели, — в чём ходят, в том и спят. Как ни просто устраивается колыма, но на её постройку не у всякой инородческой семьи находятся силы и средства! Приходится довольствоваться урасой.

Колыма устраивается следующим образом. Раньше всего делается остов колымы. Для этого нужны четыре надёжных, по крайней мере вершков пять толщины лесины, — прямо с корою и с сучками, — не

беда, если они и кривы. Эти четыре лесины (аршин 5-6 длины) устанавливаются так, чтобы одни концы их вверху скрещивались и были крепко связаны, а другие концы внизу отстояли друг от друга аршина на 4-5.

На эти лесины, на аршин от вершины, кладутся поперечины, служащие опорой тех брёвен или жердей, которые, уставленные вокруг всей колымы в промежутках между столбами — лесинами, образуют стены колымы; уставляются эти стенки из жердей так, чтобы весь этот остов колымы в своём основании имел форму круга. В одной из стенок остаётся отверстие для дверей, в другой (иногда и в третьей) отверстие для окна и затем весь этот остов заваливается либо дёрном, либо кусками земли поверх коры или травы. Снаружи колыма кажется конусообразною кучею земли, из под которой лишь вверху торчат четыре скрестившихся конца лесин. Часто колымы строят так, что в них не имеется окон, — свет падает из того отверстия вверху колымы, куда выходит дым из очага. Внутреннее устройство колымы, её обстановка зависит от зажиточности хозяина.

Войдём в колыму тунгуса средней зажиточности. Для того, чтобы войти, надо сначала подняться на высоту двух шагов по земляной завалинке, окружающей всю колыму снаружи и затем уже — не отворить, а приподнять крышку узкой и низкой двери. Без привычки я не мог войти в эту дверь без того, чтобы не удариться головой о верхнюю перекладину двери, не задеть ногой за высокий (больше пол-аршина) порог и не испытать большой неловкости ставить ноги в какую-то тёмную дыру, когда голова и большая половина туловища находятся ещё снаружи.

При входе в колыму, меня прежде всего обдало дымом и поразила особенность освещения. В колыме не было ни одного окна; свет проникал через отверстие вверху колымы, куда выходил дым от костра, горевшего на печью, сложенном посредине колымы. Мало того, что света в это отверстие проникало очень мало, — свет, падая сверху и проходя через дым, придавал всему, находящемуся в колыме, окраску бутылочного света, и всё показывалось как-то в уменьшенном виде. Я не сразу мог различить предметы.

Над очагом, представлявшем из себя род деревянного ящика, набитого глиной, — на жердях на высоте около двух аршин была развешана «юкала». Она уже была провялена на ветру и теперь «продымляется» над костром очага, когда продымится, она будет готова к употреблению

и может долго храниться, не подвергаясь порче. Тут же подле костра, несколько в стороне от огня, тоже на жердях, висела красная рыба икра: она сушилась для сохранения впрок. Вся эта масса икры и юкалы ещё больше увеличивала мрак колымы, загораживая падающий сверху свет.

Совершенно незнакомый с этикетом гостеприимных тунгусов, я во всём старался подражать моему спутнику, хорошему знакомому хозяина колымы — тем более, что я по крайней мере минуты две-три решительно не мог ничего различить в полутьме колымы.

На первых же шагах я чуть было не попал в чрезвычайно неловкое положение. Я заметил, что за очагом стоит на полу (вымазанном глиной) какая-то табуретка и собрался было сесть на неё, когда заметил, что мой спутник сел на нары против дверей, возвышающихся над полом не более, как на пол-аршина. Оказалось, что я чуть было не сел на маленький стол, на котором вскоре после вашего прихода было подано нам угощение. Я успел исправить свою ошибку и сел на орон.

Хозяина мы не застали дома. Нас встретила хозяйка, которая, как и все — от мала до велика — домочадцы, подошла к нам и дала нам пожать свою руку. Мой спутник принёс с собой гостинец — фунт «фамильного чая», причём, передавая чай хозяйке, очень внятно заявил ей о том, что это «гостинец». Хозяйка с сияющим лицом, с поклонами приняла подарок и совместно с племянницами своими стала хлопотать об угощении.

Прежде всего нам поставили на стол эмалированную тарелку со свежей юкалой, — эта юкала не была ещё продымлена и не имела вкуса горечи дыма. Мы руками брали куски юкалы, рвали её на маленькие частички, окунали в солонку (банку из-под далмацкого порошка) и ели с большим аппетитом: юкала была действительно вкусна. Но я не мог есть много, так как к юкале нам не было подано хлеба, а рыба была очень жирная. Для вытирания засаленных рыбой рук, взамен салфеток, нам были поданы (каждому отдельно) две кучки — с горсть величины — мелких сухих стружек тальника. Эти салфетки тут же на наших глазах приготовляла сама хозяйка: она держала на коленях сухую палочку — пальца в два толщиной — тальника и слегка строгала её маленьким ножиком особого устройства: получались тоненькие нитеобразные стружки.

Пока мы ели юкалу, поспел самовар и муж одной из племянниц хозяйки подал нам в фарфоровых чашках чай (нам заварили тот чай, который был принесён моим спутником). К чаю нам подали четыре кусочка сахара на блюдце и полную тарелку только что испечённых на наших же глазах пшеничных оладий. Оладьи были испечены на рыбьем жире, но они были до того вкусны, что я не обратил внимания на едва заметный запах рыбьего жира.

За чаепитием мой спутник завёл разговор с братом хозяина, стариком Степаном. Но Степан не знал русского языка, мой спутник очень плохо знал якутский язык и беседа клеилась плохо, но всё-таки кое-что можно было понять по догадке.

Мы узнали, что хозяин покупает пшеничную муку по 3 р. 20 к. за пуд, хотя такая же мука в лавке Громовой, здесь же на Кумаксурке, продавалась по 2 р. 60 к. Объясняется это тем, что хозяин купил муку у каючника в долг, под рыбу будущего года.

Пребывание старика Степана, имевшего своё отдельное хозяйство, у своего брата объяснилось для нас тогда, когда Степан сказал нам, что его жена недавно «ушла к Богу», т.е. умерла, а он ещё не успел выстроить себе нового помещения.

Ни один тунгус в низовье Лены не станет и дня жить в том помещении, где был покойник. Эта несчастная колыма непременно разрушается, и лес от неё идёт на дрова.

Живя у брата, Степан живёт совершенно отдельно от брата, на всём своём: — у него всё своё: и пища, и посуда; он своими сетями отдельно от брата ловит себе рыбу.

Тут же вблизи нас сидела младшая племянница хозяина — девушка невеста и приготавливала из оленьих жил нитки для шитья меховой одежды. Она выдёргивала из распаренной в кипятке оленьей жилы самые тонкие волокна её и на коленях правой рукой слегка скручивала эти волокна. Девушка эта недавно была сосватана за одного из кумаксурских тунгусов своего же рода и жаждала приезда с Булуна священника для того, чтобы обвенчаться с ним.

Обычай тунгусов не видит в венчании необходимого обряда для вступления в супружеские отношения, — венчаться можно и год, и два спустя. Старшая племянница хозяина обвенчалась три месяца тому назад, а у неё старшему сыну уже около трёх лет.

Темы для разговоров у нас быстро истощались; мы поблагодарили всех присутствующих в колыме членов хозяйской семьи за угощение, снова пожали всем руки и удалились домой.

VIII

Только что сказанное мною о колыме не может дать полного представления о том, до чего плохи условия жизни низовых ленских инородцев. Я был в колыме одного из средней зажиточности объякутившихся тунгусов, живущих на одном из самых лучших рыболовных песков на Кумаксуре.

Необходимо указать теперь на то, как живут эти тунгусы в своих жалких урасах, на какихнибудь малорыбных местах, вроде: «Нотора», «Джалдана» и «Дурной». На одном из этих мест, верстах в трёхстах вниз от Жиганска, пароход «Лена», укрываясь от страшной качки, благодаря разыгравшемуся на реке волнению, зашёл в устье маленькой речонки. На крутом каменистом, лишённом всякой растительности, мысе стояли три тунгусских урасы, из которых на свисток парохода вышли все их обитатели — мужчины, женщины и дети. Как только мы сошли с парохода на берег, мужчины подошли к нам, а женщины тот же час спрятались в свои шалаши. Мужчины охотно беседовали с нами через переводчиков-якутов, матросов парохода, — особенно когда им были предложены хозяином парохода подарки: мужчинам по пачке табаку-махорки, женщинам по $\frac{1}{4}$ кирпича чаю. Женщины вышли из шалашей за получением подарков, — их вывели оттуда их мужья.

С дозволения хозяев, мы вошли в их урасу. Это был небольшой, в форме конуса, шалаш, еле-еле сдерживавший напор сильного ветра. Десятка три сухих, даже полугнилых и обгорелых тонких жердей (аршин 5 длины), не очищенных от коры и разной толщины, были уставлены так, что связанные кое-как в вершинах и расставленные внизу в круг с радиусом не более 2 аршин, — образовали собою конус аршина в 3 вышиною. Снаружи, на этих жердях и придавленные этими жердями же были разбросаны куски оленьих шкур, рыбья кожа, разное грязное тряпье. И эта ураса на всё время промысла рыбы служит населению защитой от ветров, холода, дождя и снега, которыми так богато низовье Лены в течение лета.

Вокруг урасы мы видели расставленными оружие и все орудия хозяина. Здесь стояло тяжёлое кремнёвое ружьё и рядом с ним подставка для ружья; — далее — «ая» — самострел, снаряд, который «настораживают» в лесу на зверя, — зверь задевает его и сам вонзает в себя стрелу с двумя или с тремя железными наконечниками; — «ымы» — род пики (русский «рожон») на длинной и толстой ручке, на случай защиты от нападающего зверя; большой лук (аршина $2\frac{1}{2}$) рядом с колчаном, полным стрел с железными концами; пара лёгких лыж, подшитых мехом и подле них шест — длинная палка с тальниковым кольцом на одном конце.

Посредине урасы на голой земле тлелся костёр, а над ним висел железный котёл с рыбой. Котёл был прикреплён тальниковой палочкой с крючком к жерди, идущей поперёк всей урасы по самой середине её. Рыба в котелке варилась для еды; шелуха на рыбе не была снята, внутренности тоже не были выпущены и кроме воды и рыбы в котле не было ничего, — не было даже соли. Вокруг костра женщины, сидя на голой земле, заняты были приготовлением из коры тальника верёвок и ниток разной толщины для сетей. Они распаривали в кипятке тальниковую кору, раздирали её на длинные тонкие полоски и из них на руках ссучивали требуемой длины и толщины верёвки.

Плетением сетей здесь чаще всего занимаются мужчины. Плетут обыкновенно сети длиною саженой 10 и больше, делая ячейки около одного вершка. Тут же, в урасе, на жердях висели уже готовые сети, одна из которых при нас же была поставлена в реку близ парохода и в сеть вскоре попались: таймень весом в 1 пуд $2\frac{1}{2}$ ф. и чир весом в 7 фун.; обе эти рыбы тунгусы принесли в подарок на пароход, как бы в ответ на розданные им гостинцы, но за рыбу им снова подарили хлеба, соли, чаю и табаку и моток суровых ниток.

Страшная беднота урасы сквозила во всём у обитателей её. У них не было никакого домашнего скота, кроме двух небольшого роста собачек, на которых они и перевозят с места на место (зимой и летом) весь свой несложный багаж. Ни хлеба, ни соли они не употребляют; чай попадает к ним случайно. Летом живут рыбой; зимой промышляют зверя и питаются им. Одежда их была грязна и сильно изношена; — верхний костюм был сшит из звериных и рыбьих шкур; у некоторых было и нижнее бельё, но страшно заношенное, сшитое из цветных бумажных тканей. У

них в большом употреблении выделанные шкурки (кожа без чешуи) самых крупных местных рыб: тайменя и налима. Выделка этих шкур страшно груба; из них они шьют себе чулки, наколенники и своего рода кафтаны; их же употребляют на сумы и на мешки; ими же покрывают урасы; эти шкурки не промокают.

Нет ничего, конечно, удивительного в том, что при такой пище, в этом шалаше и в начале и в конце лета поголовно все дети хворают поносом и сильно мрут. Мне приходилось часто встречать случаи даже кровавого поноса. И говорить нечего о том, что всё это население остаётся совершенно без всякой медицинской помощи, так как на всей Лене ниже Якутска нет ни одного ни врачебного, ни фельдшерского пункта.

Когда пароход делал обратный рейс, на нём из Булуна купцом Санниковым был послан к этому месту, где стоят эти три урасы, кое-какой товар, в том числе два места (144 шт.) кирпичного чая. В это время тунгусы прямо таки голодали, — рыба ловилась плохо, а что было поймано раньше, то было уже пропито каючникам.

Я любопытствовал справиться, по какой цене будет продаваться здесь кирпич чаю, — мне сказали: по 2 и 3 р. за кирпич. Надо заметить, что на Булуне кирпич чаю стоил всего лишь 70-80 копеек. 300-350% — хороший торговый доход для булунского купца!

IX

Для инородцев крайнего севера, промысляющих зимою рыбу на Быковом мысе, собака является не только полезнейшим домашним животным, но вместе с тем и единственным домашним животным. Не видев северных ездовых собак, трудно себе даже и представить, до какой степени это скромное, умное, выносливое и послушное животное необходимо для бедного инородца. Не удивительно, что ездовая собака в низовье Лены ценится наравне с оленем (около 10 руб.), а хороший «передовик», безошибочно выполняющий команду седока, стоит не меньше 25 руб. и даже 100 рублей. Случается, иногда, ездока неожиданно застаёт в дороге снежная погода. Дороги нет, — занесло, кругом ничего не видно, — тогда остаётся одна надежда на опытность передовика. Нам часто приходилось слышать трогательные рассказы о том, как та или иная собака спасала людей от смерти, отыскивая путь к жилтому месту.

Собаки в дороге очень выносливы и не требуют за собою особого ухода, — их не надо «выстаивать», как лошадей, — приехал, — распряг и хоть сейчас же давай им есть. Пока ездок наладит костёр, напьётся чаю, — собаки уже готовы в путь, — и сыты, и отдохнули. Перед самою упряжкой им дают ещё по куску рыбы, запрягают и снова в путь. И таким порядком можно ехать на собаках и два, и пять дней, проезжая до 200 вёрст в сутки.

Одно большое неудобство для инородца-собаководца — это то, что и сам хозяин, и его собака должны питаться рыбой, которой часто не хватает одному хозяину. Летом, когда у хозяина много рыбы, он даже и не думает заботиться о своих собаках, — они подбирают обильные бросовые остатки, добывают мышей; но зимою каждая собака в течение дня должна получать целого муксуна фунтов 7-8 веса. А чтобы иметь возможность ехать на собаках, запряжённых в нарту, надо кормить не меньше 10 собак; в тяжело нагруженную нарту с кладью до 50 пуд. впрягают даже 16 собак. Необходимо иметь на день не меньше 1½ пуд. рыбы для одних только собак.

К упряжке собак начинают приучать не раньше, как они достигнут возраста одного года. Как только собака подросла и достаточно окрепла, хозяин прежде всего привязывает её за ошейник к столбу и выдерживает на привязи несколько дней, — иногда даже и без еды. Затем, прямо от привязи, впрягают её голодную в нарту среди опытных и сытых собак. Собака, конечно, бьётся в упряжи, рвётся в сторону, ложится на землю, но ничто не помогает: её тащат за собою остальные собаки. Между тем хозяин часто останавливает нарту, бьёт упрямствующую собаку палкой, треплет за уши, — а рядом с ней стоящую старую ласкает, даёт ей есть. Частенько случается, что обученные собаки сами набрасываются на лентя (хороший передовик набрасывается чаще других) и «учат» его не хуже любого якутского педагога. Обыкновенно, в следующий же раз собака начинает понимать свою роль — и скоро хорошо исполняет её. Если собака «серьёзная», если она внимательна к голосу хозяина и понятлива, — её запрягают как можно ближе к «передовику», чтобы подготовить ему заместителя.

Хотя редко, но встречаются у собак такие «натуры», которых никакими строгостями не могут приучить к упряжи. Бывают и такие собаки, у которых, в силу каких-то непобедимых, чисто желудочных влечений, явится потребность грызть ремни. Где бы какой ремень ни попался им

— в упряжи, на нартах, на перевязях — непременно перегрызут и съедят. Таких собак убивают. Самыми добросовестными собаками в упряжи являются собаки-скопцы — и собак часто скопят.

Собака инородцу служит не только зимой, но и летом. Летом они тянут вверх по реке лодку, нагруженную какой-нибудь кладью. Хозяин сидит в лодке, на корме и только командует собакам, куда идти и как — быстро ли, тихо ли. Крикнет хозяин стать, — остановятся, крикнет идти в воду — собаки идут вплавь и тянут за собою лодку; когда надо, — хозяин крикнет, и все собаки бегут к нему и садятся в лодку или же из лодки бросаются в воду.

Я ни разу не слышал, чтобы ездовая собака севера лаяла, она умеет только выть — и радость, и горе — всё у неё выливается в вой, — жалобный, протяжный.

На тех местах, где собираются много собак, достаточно какой либо одной собаке (особенно ночью) по какому либо пустяковому поводу завывать, как поголовно все собаки спешат завывать ей в унисон, — и подыметя невозможный дикий концерт.

В людных местах на ночь собак привязывают к длинной верёвке, прикреплённой с обоих концов к столбам. Вероятно, это обстоятельство ещё больше располагает их быть отзывчивыми на вой своих товарищей по неволе.

Х

На всём протяжении от Якутска до Ледовитого океана Лена поражает пустынностью своих берегов, чудных своею дикою красотой. При быстром ходе парохода вниз по реке, в момент небольшой высоты воды весеннего разлива, картины красот природы берегов сменялись одна за другой, как в панораме. Необъятная ширь воды в устьях Алдана и Вилюя сменяется картиной совершенно отвесных скал правого берега Лены; пароход идёт подле самых стен, где порою вершины их покрыты густым, крупным лесом, порою вполне обнажены и представляют собою самые причудливые формы колоннад, пирамид, пещер, продольных и поперечных пластов разноцветного песчаника — (в одном месте, ниже Вилюя, я мог насчитать около 20 продольных обнажённых пластов). Какую массу интереса эти скалистые берега могли бы доставить учёному геологу!

Но вот, среди шири вод стоит высокий остров Аграфены, пугало всех каючников-якутов, причина всех несчастий на воде.

Эта мифическая русская Аграфена (одна из трёх царских или княжеских дочерей), по злобе своей не ужившаяся со своими сёстрами, поселилась на этом диком, длинном и некрасивом острове и наслала на якутов семь страшных болезней, среди которых самой ужасной был сифилис. Всякий, кто ехал из тех мест, где жили её сёстры-враги, был её враг — и он мстила ему, чем могла, чаще всего потопляя паузки или заводя их на мель. И запуганный народ просил у неё пощады, принося ей в дар по частице всех товаров, какие только имелись на судне.

Река Лена в том месте, где стоит остров Аграфены, делает крутой изгиб — и остров бесконечно долго торчит на глазах едущего то с той, то с другой стороны.

Самый остров, состоящий из глинистого песчаника, на громадном пространстве в ширину Лены окружён сплошными отмелями, делающими это место (особенно осенью, при постоянных ветрах во время малой воды) почти непроходимым, особенно для каюков, идущих на бичеве. Всё это вместе — и мель, и назойливое пребывание острова на глазах, и неблагоприятные ветры — окружило Аграфенин остров страшным мифом — и ни один якут не проплывал мимо него без того, чтобы не помолиться и не принести ей дани.

Но, вот, подле заштатного города Жиганска и левый берег Лены стал гористым и крутым; вскоре видны обнаружившиеся два равных пласта каменного угля, — затем появляются ещё два, параллельные первым двум — и все четыре пласта красиво тянутся ломанными линиями и оттеняются мягким серым песчаником на крутом обрыве берега.

Пароход «Лена» при мне делал пробу отапливать свой паровик этим углём и опыт был удачен, особенно, если принять во внимание то, что сразу не могло быть сделано всех необходимых приспособлений в топке для замены дров углём. Но и при всём том пароход, полный груза и с баржей на буксире (на барже было около 5000 пудов груза) в течение часа вверх по реке шёл на полных парах, делая в час около 10 вёрст и пар в паровике не понижался. Каменный уголь очень часто встречается на Лене ниже Якутска, начиная от так называемого Сургуева мыса (в 40 верстах от Якутска), вплоть до начала дельты Лены. Лучшим из обнаружившихся на берегу Лены пластов угля можно считать уголь подле Жи-

ганска и подле Булуна¹. Очень часто на берегах Лены попадаетея пре-восходного качества уголь, но слои его до того тонки и линии их обнаружения так коротки (притом ещё они залегают в слоях твёрдых серых песчаников), — что нужны были бы громадные затраты, чтобы добыть достаточно угля для парохода. Слои же угля подле Жиганска доходят до трёх аршин в толщину и чрезвычайно удобны для разработки и нагрузки.

Не доходя до Булуна вёрст на 50, Лена проделала себе русло среди каменных берегов, сжимающих её ниже Булуна всё теснее и теснее с обеих сторон. Как раз в том месте, где расположен на левом берегу Лены Булун, — к правому берегу Лены с юго-востока подходят отроги Хараялахского горного хребта и Лена под давлением их сжимается ещё в более узкую линию и ещё больше извивается среди скал, тщетно пытаюсь разбить громады гранита, кварца, железняка и разноцветного твёрдого песчаника. Ниже Чукуровки, верстах в 65 от Булуна, Лена как бы покорятся своей судьбе, теряет свои извилины и довольно ровною линией несёт свои воды в океан, с обеих сторон сжатая высокими скалистыми, лишёнными всякой растительности на вершинах горами, достигающими высоты не менее 1000 футов.

Поразительно дик и величественно красив вид правого берега Лены в том месте, где к ней в плотную подходит Хараялахский хребет, — на протяжении её от Кумаксурки до Столба. Местами здесь высятся громадные пирамиды, от вершины до подножия усыпанные кусками рассыпавшихся скал; местами над водой поднимаются отвесные стены — то чёрные, как уголь, — то белые, как снег, и вершины их уставлены разной величины и формы каменными глыбами.

Как раз в том месте, где Лена выбивается из каменных тисков её берегов, где она, как из пульверизатора, веером разбрасывается в бесчисленные протоки её широкой дельты, — почти по середине реки стоит высокий каменный «Столб». Что за чудный вид открывается зрению того, кто поднимается на вершину этого Столба! На север от этого столба, на левой стороне дельты Лены, вдали чуть виден в бинокль вы-

¹ Для интересующихся сообщаю данные анализа угля, добытые лабораторией механич. завода Николаевской железной дороги.

	Золы	Серы	Выд. кокса	Воды
Жиганск. уголь	10,26%	0,33%	49,7%	12,15%
Булунский уголь	12,1%	0,79%	56,71%	2,39%

сокий деревянный крест на месте гибели капитана Делонга и его спутников. На острове и нигде кругом нет ни одного деревца, ни одного куста. Здесь царит вечная тишина; нет здесь даже докучливого жужжания комара; нет здесь ни бабочки, ни муравья. Редко-редко где то вдали крикнет дикий гусь, спугнутый с гнезда, которых так много на мшистом покрове Столба; — порою про шумит крыльями суетливая и жадная чайка; — и снова воцарится глубокая тишина, так хорошо гармонирующая с необъятною ширью и бесконечной далью песков и вод дельты Лены. На самой вершине Столба мы нашли три кучи каменных плит, сложенных в формы довольно правильных параллелограммов вышиною в два с половиною фута. Плиты обросли жёлтым мхом; видно было, что сложены эти кучи давно — и инородцы считают происхождение их таинственным; говорят, что здесь были похоронены три шамана. Но подле этих «шаманских» памятников мы нашли старый, совершенно развалившийся крест, — на одном из уцелевших кусков которого можно было различить следы каких-то букв церковно-славянской азбуки.

Заканчивая свои «заметки», считаю необходимым высказать своё общее мнение о том, что наблюдал я в низовье р. Лены.

До сих пор низовье Лены остаётся совершенно неисследованным и богатства его не определены. Как велико это богатство, можно судить уже по одному тому, что даже при поверхностном осмотре я мог найти там: золото, железо, аспид, точильный камень, прекрасную белую глину, массу разных минеральных красок, янтарь на берегу моря и обилие каменного угля. Что же касается рыбного богатства, — то оно, при умелой постановке дела, легко могло бы дать в 20 раз больше того, что даёт теперь. И единственная причина незначительности промысла — это бедность северного инородца, беспощадно эксплуатируемого приезжими и местными купцами.

Занятое исключительно рыболовством и звероловством, местное население не имеет ни рыбы для питания, ни мехов для одежды. Всё, что добывают они, отнимают у них купцы, выменивая всё это на гадкую дорогую водку и завлекая их в вечную кабалу. Нельзя ни на минуту оставлять положение вещей в низовьях Лены в таком виде, в каком мы застали его летом 1897 года.

Без северного инородца, сумевшего научиться жить в суровом климате устья Лены, способного добывать для общей пользы дары природы этого дикого края, — мы не в силах будем пользоваться всем тем,

чем богата Лена. Необходимо теперь же помочь нашему инородцу в его всё осложняющейся борьбе за жизнь.

Наш инородец нуждается решительно во всём. Но было бы достаточным пока и того, если бы ему дана была возможность самостоятельно вести свои промыслы, без хищнической поддержки его местных «знакомых» друзей. Мне кажется, что для этого было бы достаточно:

1) Устроить школы, где дети инородцев могли бы приучаться требовать от жизни хоть немного больше того, что даёт их полусытое, почти животное существование;

2) сделать для него легко доступною камеру мирового судьи и облегчить ему возможность жалобы на чиновничий произвол;

3) избавить его от систематического спаивания купцами водкой;

4) обеспечить ему доставку дешёвого и хорошего конского волоса для сетей;

5) обеспечить его хорошим и легко доступным хлебом на случай голодовки;

6) организовать хоть какую-нибудь врачебную помощь как для него, так для его оленей и собак.

Наш инородец не нуждается в подачках; он умеет работать и не жалеет ни труда, ни денег, если может получить то, что ему надо и что приносит ему пользу.

Все, кто имел случай встречать северного инородца, сохраняют о нём самое тёплое воспоминание.

Приведу в конце моих заметок выписку из цитированного мною выше труда Э. Толя, посетившего те же места в 1893 году, где я был в 1897 г.

«Нельзя не любить коренных жителей побережья Ледовитого океана, нельзя нам особенно не вспомнить их с чувством благодарности за гостеприимство и за безукоризненно хорошие отношения к нам. Поэтому-то мне и нельзя умолчать об их трудном положении. Они, со времени покорения Сибири, привыкли платить дань без разговора, и платить даже за мёртвые души, покупать от купцов плохой товар и водку за дорогую цену». (Стр. 17).

Трудно положение северного инородца, но требования его до того малы и ничтожны, что удовлетворение их не представляет большего труда.

OCR Андрей Дуглас, 2023

Карта РЫБОЛОВНЫХЪ ПЕСКОВЪ

НИЗОВЬЯ РѢКИ ЛЕНЫ
между ея дельтой и сел. Булунъ
(ПО ГЛАЗОМЪРНОМУ ОПРЕДЕЛЕНЮ).

Масштабъ 20 верстъ въ дюймѣ.

20 15 10 5 0 20 40 60 верстъ

